Первухин.
Эскизы преданий
и быта инородцев.
Экз. 2-й

А 150/877
экз. 2

А 150/877

А 150
А 877

ЭСКИЗЫ

ПРЕДАНІЙ И БЫТА ИНОРОДЦЕВЪ

ГЛАЗОВСКАГО УѢЗДА.

Эскизъ II-й.

Идоложертвенный ритуалъ древнихъ вотяковъ по его слѣдамъ въ разсказахъ стариковъ и въ современныхъ обрядахъ.

Составилъ И. Первухинъ.

ВЯТКА.
Губернская Типографія.
1888.

ЭСКИЗЫ

ПРЕДАНІЙ И БЫТА ИНОРОДЦЕВЪ

ГЛАЗОВСКАГО УѢЗДА.

Эскизъ II-й.

Идоложертвенный ритуалъ древнихъ вотяковъ по его слѣдамъ въ разсказахъ стариковъ и въ современныхъ обрядахъ.

Составилъ И. Первухинъ.

БИБЛІОТЕКА М.П.М.

ВЯТКА.
Губернская Типографія.
1888.

Дозволено цензурою 19 Декабря 1888 года.

2007041428

ЭСКИЗЫ
преданій и быта инородцевъ Глазовскаго уѣзда.

ЭСКИЗЪ II-й.

Идоложертвенный ритуалъ древнихъ вотяковъ по его слѣдамъ въ разсказахъ стариковъ и въ современныхъ обрядахъ.

Инмаръ узь кушты, номрено узь лу.
Инмаръ не оставитъ, ничего не сдѣлается.
Вотская пословица.

Еще пытаясь выяснить древнія вѣрованія вотяковъ Глазовскаго уѣзда, мы имѣли случай замѣтить высокую религіозность этого народа, выражающуюся главнымъ образомъ въ постоянныхъ моленіяхъ тому или другому изъ высшихъ и низшихъ божествъ,—причемъ главную сущность ихъ моленій составляетъ не столько молитвенное обращеніе, сколько принесеніе жертвы. Въ языческихъ молитвахъ вотяковъ нѣтъ какихъ-либо хвалебныхъ гимновъ, нѣтъ и славословій или витіеватыхъ благодареній: въ своихъ молитвахъ вотякъ просто указываетъ что «вотъ-де-я приношу вамъ, боги въ жертву то-то и то-то, что было

мною обѣщано ранѣе, и прошу Васъ дать мнѣ то-то и то-то, если вы исполните мою просьбу, то я вамъ и еще то-то и то-то принесу. Такимъ образомъ вотская молитва чаще всего напоминаетъ собою торговую сдѣлку, а вотское богослуженіе состоитъ обязательно изъ двухъ частей: изъ принесенія жертвы и изъ просьбы о ниспосланіи всякихъ благъ земныхъ,—причемъ вмѣсто славословія христіанской молитвы въ нихъ являются обѣты новыхъ жертвъ.—Привыкнувъ къ жертвоприношеніямъ въ языческій періодъ, вотякъ не успѣлъ еще понять ненужность жертвъ въ христіанствѣ и приноситъ доселѣ въ жертву барановъ или птицъ, а иногда даже цѣлыхъ быковъ. Судя по этому отношенію вотяка даже теперь къ христіанскимъ святынямъ,—мы имѣемъ право думать, что отношенія вотяковъ къ ихъ языческимъ божествамъ въ древности было всегда одинаковымъ, если можно выразиться,—контрактно-меркантильнымъ.

Разнымъ божествамъ и даже нерѣдко одному и тому-же божеству, но по разнымъ случаямъ, приносились и разнообразныя жертвы, причемъ матеріаломъ для жертвоприношеній служили:

1) Быки, коровы и телята.
2) Жеребцы, кобылы и жеребята.
3) Бараны, овцы и ягнята.

4) Козлы и козы.
5) Изъ домашнихъ птицъ: гуси, утки и куры.
6) Изъ дикихъ птицъ: утки, гуси, тетерева и рябчики.
7) Крупа разнаго сорта и соль.
8) Каница или щи.
9) Разнаго рода печенія изъ тѣста.
10) Вареныя яйца и яичницы.
11) Пиво, брага и кумышка.
12) Клоки шерсти животныхъ, отдѣльныя перья или крылья и хвосты птицъ.
13) Куски разноцвѣтнаго ситцу, красная досталь и нитки.
14) Мѣдныя и серебряныя монеты.

При этомъ всѣ животныя и домашнія птицы должны были быть опредѣленнаго пола, возраста и масти.

Такъ какъ жертвы эти приносились то по частнымъ (индивидуальнымъ) случаямъ, то въ интересахъ семьи, то отъ цѣлаго рода или селенія, то наконецъ во имя обще-вотскихъ интересовъ,—поэтому не только порядокъ и содержаніе молитвъ, но и мѣста для жертвоприношеній, и самые совершители ихъ являются различными въ разныхъ случаяхъ.

Частное лицо приносило жертву тамъ, гдѣ ему казалось это потребнѣе.—Общественныя жертвы чаще свего приносились въ семейныхъ чумахъ, такъ сказать, имѣющихъ

значеніе частныхъ молелень у раскольниковъ и въ молитвенныхъ рощахъ при деревнѣ (восяськонни чатча). Для молитвъ однодеревенцевъ нынѣ часто служитъ такъ назыв. *«дзэкъ-квала»* т. е. *большой* чумъ, имѣющій значеніе часовни и разъ навсегда опредѣленныя мѣста въ сосѣднихъ лѣсахъ на старинныхъ могильникахъ,—въ поляхъ и по берегамъ рѣкъ. Для общихъ моленій родичей, при центральныхъ селеніяхъ рода, гдѣ-нибудь за деревней, въ чащѣ лѣса, ставился *«великій чумъ» «быдзымъ квала»*, по своему значенію имѣвшій у вотяковъ сходство съ тѣми храмами древней Руси, божественные покровители которыхъ считались патронами и цѣлаго удѣла. Наконецъ, изрѣдка между поселеніями вотяковъ находились среди болотъ, въ мало доступныхъ чащахъ, поляны, называвшіяся *«губеръ-вось»*, что значитъ: *мѣста общественнаго народнаго моленія.* Сюда къ *«быдзымъ квала»* лишь въ извѣстный годъ собиралось къ опредѣленному дню, какъ показываютъ старики, по нѣскольку десятковъ тысячъ изъ разныхъ уѣздовъ.

Описаніе частныхъ *чумовъ (квала)*, а также *«великихъ чумовъ»* — *«быдзымъ-квала»* сдѣлано нами еще въ первомъ эскизѣ, при разсматриваніи значенія слова *«воршудъ»*. *«Дзэкъ-квала»* въ настоящее время называется чумъ, стоящій въ деревнѣ-же,—но боль-

шею частью на задворкахъ и отличающійся отъ прочихъ чумовъ деревни большимъ просторомъ, а главное тѣмъ, что воршудный коробъ этого чума сохраняется въ неприкосновенности съ древнихъ временъ. Наконецъ «*дзэкъ-квала*» отличается отъ частной «*квала*» и тѣмъ, что въ немъ, за исключеніемъ жертвеннаго мяса,—никогда ничего не варится.—По наружному-же виду и по внутреннему убранству онъ совершенно сходенъ съ частнымъ «*квала*».

Слово «*восяськонни-чатча*» имѣетъ два значенія: 1) Такъ называются небольшіе остатки лѣса, намѣренно не вырубленнаго гдѣ-нибудь на задворкахъ деревни, на пригоркѣ, у подножія или съ боковъ котораго протекаетъ рѣчка, ручеекъ или просто ключъ. Здѣсь совершаются иногда умилостивительныя, а иногда просительныя и благодарственныя жертвы частныхъ лицъ, а также той или другой семьи. 2) Такъ называются тѣ разъ навсегда установленныя мѣста въ ближайшихъ къ вотскому селенію лѣсахъ, которыя служатъ пунктомъ отправленія извѣстныхъ общественныхъ жертвоприношеній. Здѣсь, большею частью подъ елкой, устроенъ на козлахъ маленькій столикъ ($^3/_4$ арш. въ квадратѣ), покрытый досками и берестой, а по сторонамъ его стоятъ большіе (въ аршинъ шириною и саженъ до 10 длиною) столы,

устроенные также на козлахъ, но нѣсколько ниже столика подъ елкой. Для сидѣнія съ обѣихъ длинныхъ сторонъ столовъ устроена на козлахъ-же лавка, состоящая изъ одной тесницы или даже полукруглаго края бревна. Поверхность столовъ также сдѣлана наскоро и нерѣдко состоитъ просто изъ жердинъ, подвязанныхъ мочалами или лыками къ перекладинамъ связывающимъ козла вверху. Въ елкѣ, подъ которой стоитъ маленькій столикъ, всегда можно встрѣтить въ качествѣ *«куяконовъ»* воткнутыми то перья, обернутыя досталью,—то даже мелкія монетки, забитыя подальше въ кору.

«Губеръ-вось» въ Глазовскомъ уѣздѣ указываютъ въ двухъ мѣстахъ: первый былъ верстахъ въ 5 отъ устья р. Убыти, на правомъ берегу этой рѣки, саженяхъ въ 100 отъ теперешняго черезъ Убыть моста на Вятско-Глазовскомъ трактѣ. Мѣстность эта не представляетъ изъ себя ничего замѣчательнаго: это—болотистое пространство, поросшее довольно высокою хвойной и лиственной зарослью, а посрединѣ и цѣлымъ небольшимъ лѣскомъ. Лѣсокъ этотъ, какъ разсказываютъ мѣстные жители, растетъ на болѣе высокомъ, а поэтому сухомъ мѣстѣ и составляетъ собою,—такъ сказать,—ограду довольно значительной кругловатой поляны, также сухой. Пройти на это мѣсто даже въ самое сухое

лѣто,—вслѣдствіе со всѣхъ сторонъ окружающаго вязкаго болота,—весьма трудно,—а въ дождливые годы почти совсѣмъ невозможно. Преданіе говоритъ, что когда русскіе сожгли *«быдзымъ-квала»* въ г. Хлыновѣ, вотяки собрали пепелъ и уголья и, избравъ поляну въ окружающихъ Хлыновъ лѣсахъ,—посѣяли на ней пепелъ и угли и построили здѣсь новый *«быдзымъ-квала»*, замѣнившій уважаемый всѣми вотяками Хлыповскій *«квала»*; но на первомъ-же моленьи приносимый въ жертву быкъ, уже раненый,—убѣжалъ оттуда, а такъ какъ упустить животное, обреченное въ жертву, по вѣрованіямъ вотяковъ язычниковъ,—должно было повести къ страшному несчастію для всего народа,—то за быкомъ пошли, чтобы отыскать и убить его на мѣстѣ,—если нельзя его будетъ привести обратно. Долго шли они по слѣдамъ быка и наконецъ нагнали его, весьма утомленнаго, именно на этомъ самомъ лѣсномъ островкѣ, среди болота, на берегу р. Убыти. Быкъ былъ еще живъ и здѣсь-же на мѣстѣ былъ принесенъ въ жертву. Думая видѣть въ этомъ указаніе божества, а также усмотрѣвъ большое удобство мѣстности со стороны ея изолированности, приплывшіе сюда вотяки порѣшили остаться здѣсь и перенести сюда *«быдзымъ-квала»* изъ подъ Хлынова. Сюда на Убыть, какъ и въ Хлыновскій *«квала»*

собирались на 3-й годъ осенью вотяки въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ и каждый разъ мѣнялось направленіе тропинки съ края болота до поляны, такъ какъ самая тропинка образовывалась лишь настилкою сучковъ и досокъ чрезъ болото. Когда явилось христіанство въ с. Еловѣ съ такимъ дѣятельнымъ миссіонеромъ, каковъ былъ Веніаминъ Ившинъ, вотяки почувствовали себя не въ безопасности и на Убыти, а потому перенесли «*быдзымъ-квала*» верстъ на 40 выше по теченію Убыти по тому-же берегу, въ лѣса, близъ поч. Мало-Венижскаго. Еще и сюда пріѣзжали во множествѣ вотяки разныхъ уѣздовъ на богомолье, также черезъ 2 года на третій, пока въ 50-хъ годахъ «*быдзымъ-квала*» на этомъ мѣстѣ не былъ сожженъ миссіонеромъ о. Петромъ Мышкинымъ. По описанію о. Петра и здѣсь «*Губеръ-вось*» являлся среди лѣса сухою поляною, окруженною глубокимъ и вязкимъ болотомъ, ходъ черезъ которое былъ по весьма узкой, почти незамѣтной тропинкѣ, представлявшей единственный путь сообщенія «*Губеръ-вося*» съ окружающею мѣстностью. Перенесенъ-ли отсюда куда-либо «*быдзымъ квала*» въ другое мѣсто или такъ и кончилъ свое существованіе,—неизвѣстно.

Преданіе о такихъ передвиженіяхъ «*губеръ-вось*» записано нами со словъ о. протоіерея

Глазовскаго собора о. І. В. Дернова, который самъ слышалъ его отъ вотяковъ. Интересно, что совершенно также въ Пужмезскомъ приходѣ разсказываютъ объ основаніи дер. Ворцинской и о происхожденіи названія одного пригорка и починка «*Гордъ-ошъ*» (красный быкъ). Поэтому разсказу, быкъ убѣжалъ изъ Шурги Сарапульскаго уѣзда, даже съ жертвеннымъ ковшомъ на рогахъ,—также былъ преслѣдуемъ и найденъ въ болотѣ подлѣ пригорка, названнаго по быку. Послѣ чего вдѣсь и поселилась цѣлая деревня выходцевъ изъ Шурги, на мѣстѣ носящемъ теперь названіе «*Вужъ-гуртъ*», откуда переселилось въ дер. Ворцинскую. Указаніе-же въ преданіи о «*губеръ-вось*», что на основаніи новаго «*быдзымъ-кваля*» подъ Хлыновымъ взяты были пепелъ и угли отъ сгорѣвшей древней Хлыновской «*кваля*» и перенесены въ лѣсъ, гдѣ и посѣяны,—находитъ себѣ соотвѣтствіе въ разсказѣ 74-хъ лѣтняго старика Лыпской вол., починка Степьгутскаго, Васил. Кирил. Ложкина: — «Помню я», — говоритъ онъ,— «когда стоялъ еще «*быдзымъ-кваля*» въ Поломѣ на полѣ,—а когда тамъ сожгли его попы (т. е. христіанскіе миссіонеры), наши старики ночью смели весь пепелъ и всѣ уголья въ чистые горшки и принесли ихъ на поляну въ лѣсъ, между поч. *Дологуртъ* и *Шорогуртъ* (верстъ за 20 отъ прежняго

мѣста) и здѣсь стали строить новый «*быдзымъквала*». Выкопали они ямы для столбовъ и въ нихъ положили уголья,—а потомъ,—когда построили зданіе,—крѣпко на крѣпко убили землю на полу, какъ убиваютъ для тока, и посѣяли по всему полу пепелъ, принесенный изъ Полома. Въ молодости и я съ дѣдомъ и отцомъ бывалъ въ этомъ «*быдзымъквала*», но онъ стоялъ не долго. Прослышали мы, что и здѣсь сожгутъ его и старики сняли его и перенесли куда-то въ лѣса за р. Лыпъ, въ Юскинскій приходъ, а стоитъ-ли онъ тамъ и теперь или нѣтъ,—того я не знаю. Первую общественную жертву «*курбонъ*» совершалъ не нашъ «*курискысь*», а старикъ «*вылясь*», котораго нарочно призывали на первую жертву изъ Старой Пурги (нынѣ Старое село, Сарапульскаго уѣзда»).

Приносителями жертвъ частныхъ могли быть не только мужчины, но и женщины. Только не достигшіе совершенно-лѣтняго возраста парни и дѣвки едва-ли сами дѣлали жертвоприношенія «*куяконы*»: за нихъ, какъ кажется, и прежде всегда (какъ и теперь) приносили жертву старшіе. Семейную жертву приносилъ старшій въ семьѣ (*кузе*), а нынѣ иногда приноситъ и выборный жрецъ (*«попъ»*). «*Попъ*» этотъ выбирается стариками въ большинствѣ вотскихъ деревень за умѣнье составлять и читать молитвы. Умѣнье это

потребно потому, что хотя въ языческихъ молитвахъ всюду одинаковы: а) извѣстныя молитвенныя формулы (Остэ, возьма, курыськом̀ъ и т. д.), б) слогъ, напоминающій по параллелизму словъ и по частому употребленію эпитетовъ эпическій слогъ древнихъ русскихъ былинъ (*зарни*—золотой, *азвесъ*—серебряный, *шудъ-буръ*—счастье—довольство, *улонъ-вылонъ*—житье бытье, *шунытъ-небытъ*—теплый тихій и т. п.) и наконецъ в) содержаніе вообще; но и заключается множество совершенно индивидуальныхъ подробностей, вызываемыхъ чисто случайными условіями, при которыхъ совершается жертвоприношеніе. Всякій вотякъ, достигшій зрѣлаго возраста, и нынѣ еще, въ большинствѣ случаевъ, можетъ прочитать молитву при томъ или другомъ случаѣ жертвоприношенія родоваго или общественнаго; но, какъ говоритъ русская пословица,—«всякій спляшетъ, да не какъ скоморохъ» и между вотяками находятся такіе люди, которые по природѣ своей болѣе способны къ краснобайству, если не сказать, къ поэзіи,—а при этомъ обладаютъ и нѣсколько большимъ нахальствомъ или смѣлостью сравнительно съ другими и почти всегда способностью выпивать довольно значительное количество кумышки, не пьянѣя. Такой «*поп*ъ», при совершеніи жертвоприношеній, мало чѣмъ отличается въ своемъ костюмѣ

отъ окружающихъ его вотяковъ.—Правда,—во время жертвоприношенія одинъ онъ стоитъ на первомъ мѣстѣ; одинъ онъ—въ шапкѣ иногда даже въ особомъ колпакѣ; одинъ онъ же читаетъ молитву и дѣлаетъ возліянія или бросаетъ въ огонь части жертвы для сожженія; но все это можетъ точно также сдѣлать для рода и каждый старшій въ семьѣ, не имѣющій въ деревнѣ значенія *«попа»*. Явился этотъ выборный (*) *«попъ»* уже, подъ вліяніемъ христіанской религіи и какъ-бы въ соотвѣтствіе христіанскимъ священникамъ мѣстныхъ церквей, а потому и въ обрядахъ имъ выполняемыхъ можно видѣть подражаніе христіанскимъ обрядамъ. Таковъ обрядъ *«лемъ-нянь»*, съ которымъ подробнѣе мы познакомимся ниже. Но современный *«попъ»* является лишь исполнителемъ обрядовъ; время-же для жертвоприношенія и сущность жертвы нормальной опредѣляется сходомъ (кэнэшъ), а экстренной ворожцомъ (туно). Очевидно, что роль его не главная. Всегда ли же такъ было? Кто совершалъ жертвы до *«поповъ»*? На это отвѣтъ даютъ намъ и старики, а главное языкъ народа. Дѣйствительно, кромѣ заимствованнаго отъ русскихъ слова *«попъ»*, вотяки Глазовскаго уѣзда имѣютъ въ языкѣ своемъ 3 названія для

(*) Примѣчаніе. Порядокъ его выбора будетъ указанъ нами нѣсколько ниже.

совершителей жертвоприношеній:

1) *Куяскисъ* (отъ глагола *«куяскыны»* — бросать, метать)—бросатель, приноситель. Въ древности *«куяскисʼями»*, какъ можно судить по разнымъ указаніямъ стариковъ, приносились жертвы лишь низшимъ злымъ богамъ. Такія жертвы приносились обыкновенно или отъ частныхъ лицъ или отъ семей и состояли главнымъ образомъ то въ закланіи на извѣстномъ мѣстѣ животнаго и птицы, то просто въ принесеніи какихъ-либо жертвуемыхъ продуктовъ и въ выбрасываніи ихъ на опредѣленномъ мѣстѣ при совершеніи условныхъ тѣлодвиженій, паптомимъ. Общественныя богослуженія злымъ божествамъ едва-ли когда-либо совершались у древнихъ вотяковъ, слѣд. *«куяскиси»* замѣняли собою собственно родоначальниковъ или старшихъ въ родѣ *(кузе)*, быть можетъ въ древности болѣе опасавшихся лично приносить жертвы злымъ духамъ. Вообще *«куяскиси»*, повидимому, имѣли право приносить только умилостивительныя жертвы, называющіяся и понынѣ въ большинствѣ вотскихъ селеній Глазовскаго уѣзда *«куясконами»* —отбросами или подбросами [1]).

2) *«Курыскисъ»* (отъ глагола *«курыны»* — просить, выпрашивать) проситель, выпрашиватель. Такимъ названіемъ въ древности

---

[1]) **Примѣчаніе.** Смотр. эскизъ I. *«Черъ»*. Проводы бога Чера.

обозначались при совершеніи жертвоприношенія лица болѣе всего по характеру своей дѣятельности приближающіяся къ современнымъ вотскимъ «*попамъ*». Они совершали «*курбоны*», т. е. общественныя жертвоприношенія, и главная задача ихъ состояла не въ закланіи жертвъ, а въ составленіи и провозглашеніи приличныхъ случаю молитвъ и формулъ, а также въ руководствѣ всѣмъ порядкомъ общественнаго жертвоприношенія, обыкновенно распадавшагося на 2 части: на чтеніе молитвы, сопровождаемое возліяніемъ на огонь хмельныхъ напитковъ и бросаніемъ сюда извѣстныхъ частей жертвы, и на общественное съѣданіе остатковъ жертвеннаго животнаго или принесенныхъ въ жертву продуктовъ, заканчивающееся большею частью соотвѣтственною съ ритуаломъ уборкою остатковъ отъ ѣды.

3) *Восясь* (отъ глагола «*восяськыны*» — молить, умолять)—молитвенникъ,—жрецъ (въ томъ смыслѣ этого слова, которое придавалось ему классическими языческими народами).—Какое было различіе между «*курыскисемъ*» и «*восясемъ*»,—сказать трудно.—Изъ нѣкоторыхъ намековъ старпковъ мы вывели такое заключеніе, что «*восяси*» едва-ли не были наиболѣе почитаемыми и славными изъ «*курыскисей*», а потому встрѣчались рѣже «*курыскисей*», будучи въ глазахъ вотяковъ

чѣмъ-то въ родѣ «*протоіереевъ*». «*Курыскись*» и «*оосясъ*» никогда не приносили умилостивительныхъ и частныхъ жертвъ («куяскоповъ»), но совершали лишь просительныя и благодарственныя моленія, разъ навсегда пріуроченныя къ извѣстному времени года.

Сверхъ этихъ трехъ названій чисто вотскихъ,—у вотяковъ живетъ еще и до сихъ поръ названіе одного изъ дѣятелей при жертвоприношеніи, взятое отъ какого-нибудь тюрко-татарскаго племени, быть можетъ еще полученное при посредствѣ Волжскихъ Булгаръ. Это названіе—«*Абызъ*», давно употребляющееся и въ русскомъ языкѣ,—которому «*Толь*» въ своемъ «Настольномъ Словарѣ» даетъ слѣдующее объясненіе: *абызъ*—у татаръ—духовный; у калмыковъ—шаманъ [1])... По корню слово это имѣетъ сходство съ арабскимъ «*абу*» и съ сиро-халдейскимъ «*авва*», изъ которыхъ первое имѣетъ значеніе отца, какъ родителя и какъ владѣтельной особы, а второе—отца,—какъ родителя и какъ высшаго духовнаго пастыря или высшаго руководителя религіозно-нравственною жизнью людей. Такимъ образомъ и древне-вотскій «*абызъ*» едва-ли не былъ высшимъ изъ совершителей жертвоприношеній. Къ несчастью, о значеніи

---

[1]) Примѣчаніе. См. «Настольный словарь для справокъ по всѣмъ отраслямъ знанія» Спб. 1863 г. Т. I. стр. 11.

«*абыза*» въ древности намъ еще меньше удалось собрать свѣдѣній, чѣмъ о какомъ-либо жрецѣ древнихъ язычниковъ-вотяковъ; въ настоящее-же время «*абызомъ*» (въ Лудошурской, Кестымской и Ключевской вол.) называется самый главный ворожецъ, предсказатель. Впрочемъ, самое то обстоятельство, что объ «*абызѣ*» болѣе трудно собрать указанія,—нежели о «*восясѣ*»,—а о послѣднемъ болѣе трудно—нежели о «*нурыскисѣ*»,—по нашему мнѣнію, должно характеризовать іерархическое положеніе каждаго изъ этихъ лицъ на лѣстницѣ древне-вотскаго жречества: «*абызъ*», стоявшій на вершинѣ ея, долженъ былъ и пасть первымъ подъ разящею силою христіанства; затѣмъ исчезъ «*восясъ*»,—а потомъ и «*курыскисъ*» долженъ былъ спрятаться подъ маску «*попа*», тогда такъ развитіе болѣе смѣлаго отношенія къ злымъ духамъ, явившееся также подъ вліяніемъ христіанства,—уничтожило нужду въ существованіи «*куяскис'я*». А по мѣрѣ того, какъ эти лица исчезали изъ жизни,—погибала съ годами и самая память о нихъ, едва оставивъ нынѣ свой слѣдъ въ языкѣ народа, да и то уже не. вездѣ.

Въ настоящее время «*попы*» бываютъ у вотяковъ двухъ родовъ: одинъ выбирается изъ членовъ одной фамиліи, для исполненія требъ этой фамиліи въ частныхъ чумахъ, и

называется «*почи попъ*» (маленькій попъ); другой же—выбирается всею деревнею для молепій въ «*дзэкъ-квалъ*» и называется «*дзэкъ-попъ*» (большой попъ). При выборѣ въ «*попы*» руководствуются слѣдующими соображеніями: 1) выбираемый долженъ знать молитвы, читавшіяся «*попомъ*», бывшимъ передъ нимъ, или умѣть составить новыя молитвы, удовлетворяющія вотскому вкусу; 2) выбираемый должепъ принадлежать къ консервативной партіи не только по своимъ убѣжденіямъ, но и по своей одеждѣ, которая (особенно для «*дзэкъ-попа*») должна быть всегда обязательно бѣлою, а не цвѣтною; 3) предпочитается выбирать на должность «*попа*» человѣка съ красно-рыжими волосами, какъ паиболѣе любимаго богами, и съ бородою также рыжаго цвѣта.

«*Курыскиси* и *восяси*» т. е. жрецы древняго времени отправляли торжественное общественное жертвоприношеніе во время мольбищъ въ «*быдзимъ-квалахъ*», надѣвая особые костюмы. По словамъ о. Петра Мышкина, эта одежда представляла изъ себя, надѣваемую сверхъ обыкновеннаго вотскаго сукмана, безрукавку или нѣчто въ родѣ довольно длиннаго жилета изъ домотканнаго камчатнаго узорчатаго полотна съ пришитымъ къ подолу ея чѣмъ-то въ родѣ вышитыхъ складокъ или домотканной бахромы.

По разсказу-же старика Василія Ложкина, Пургинскій *восясь* при освященіи «*быдзымъквилы*» въ Дологуртъ, сверхъ вотскаго костюма; надѣвалъ на себя длинную съ широкими рукавами одежду, въ родѣ діаконскаго стихаря, цвѣта фіолетоваго или темно-сиреневаго (по-вотски «*бусырь*»), а на голову надѣвалъ особую шапку, вязаную изъ нитокъ въ формѣ прямаго чулка, съ кисточкою изъ разноцвѣтныхъ нитокъ на вершинѣ. Длина всего такого колпака простиралась болѣе аршина и иногда колпакъ этотъ былъ провязанъ разноцвѣтными нитками. При надѣваніи на голову, края его завертывались наружу, причемъ длина верхушки оставлялась не болѣе четверти аршина, и тогда головной уборъ этотъ образовывалъ родъ узкой чалмы, какъ-бы обмотанной вкругъ головы по колпаку, конецъ котораго съ кисточкой свѣшивался на бокъ. Подобный колпакъ (бѣлый) мы видѣли въ дер. Омутницкой, Людошурской вол., и въ волостяхъ, лежащихъ на востокъ отъ Глазова (особенно въ Гынской и Лыпской), гдѣ даже нынѣ иногда «*попы*» надѣваютъ на себя подобные колпаки. Различіе въ цвѣтѣ и покроѣ одежды древнихъ жрецовъ, какъ указываютъ ихъ о. Мышкинъ и В. Ложкинъ, естественнѣе всего объяснить различіемъ іерархическаго положенія лицъ, носившихъ ту или другую одежду, а такъ какъ Ложкинъ

прямо указывалъ одежду *«восяся»*, то и можно думать, что фіолетовая одежда съ широкими рукавами и съ бѣлымъ колпакомъ на головѣ была принадлежностью именно этого *«восяся»*, а безрукавный, болѣе короткій костюмъ, указываемый о. Мышкинымъ, служилъ богослужебною одеждою для *«курыскися»*.

Надѣвались-ли одежды древними жрецами всякій разъ при жертвоприношеніяхъ, или только въ особыхъ, такъ сказать, высокоторжественныхъ случаяхъ,—сказать съ точностью нельзя. Въ Гыинской и Лынской вол. *«попы»* надѣваютъ колпаки только при приношеніяхъ быковъ, но по какому-бы поводу ни совершалось частное или общественное моленіе и кто-бы не произносилъ молитву—попъ-ли или старшій въ родѣ,—онъ вездѣ надѣваетъ на себя шапку при курбонахъ;—но при куяськонахъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ остается безъ шапки.

Сколько было праздниковъ у вотяковъ прежде,—въ языческій періодъ ихъ жизни, теперь съ точностью сказать трудно, такъ какъ не только разные суевѣрные обряды совершаются семьями и цѣлыми деревнями Глазовскаго уѣзда не въ одно и тоже время, но и самыя кровавыя жертвоприношенія, большею частью сохранившія за собой вотскія названія, по которымъ болѣе или менѣе точно можно опредѣлить самое время ихъ

совершенія въ языческій періодъ—и эти жертвоприношенія переносятся съ одного дня на другой по причинамъ чисто случайнымъ. Такъ напр., въ настоящемъ году въ поч. Извильскомъ, Ключевской вол. три праздника: 1) «*Гэры поттонъ*» (вывозъ сохи), 2) «*Экэлянъ*» (проводы льда) и 3) «*Гэры сектанъ*» (чествованіе сохи)—праздновались въ одинъ день, «чтобы не пропустить поры посѣва яроваго хлѣба». Иногда нѣсколько праздниковъ древне-вотскихъ, случайно приблизившіеся къ переходящимъ праздникамъ православнымъ (къ Пасхѣ, къ Троицыну дню и т. п.), переносятся на послѣдніе праздники, по сознанію самыхъ вотяковъ—изъ чисто матеріальнаго разсчета («чтобы не было двойнаго расхода на пиво и кумышку»). Древній вотякъ, какъ и всякій другой языческій народъ древности, находился съ природою въ гораздо болѣе тѣсной, живой связи, а такъ какъ вся природа въ глазахъ его была населена разными божествами и полубожествами, которыя властно распоряжались каждый въ своей области, принося этими распоряженіями то довольство и радость, то бѣды и печали для человѣка,—то и каждый актъ зарабатыванія насущнаго хлѣба древній вотякъ начиналъ съ жертвоприношенія соотвѣтствующему божеству и такія же жертвы продолжалъ приносить на всякой стадіи

своего труда. Интересно, что сохранившіеся нынѣ у вотяковъ праздники древняго времени нисколько не касаются охотничьяго быта,—хотя даже до настоящаго времени «*лъсованье*» составляетъ одно изъ главныхъ подспорій земледѣльческимъ работамъ вотяка,—а въ сказкахъ дѣйствующими лицами охотники и рыбаки являются не только также часто, какъ и земледѣльцы, но даже, пожалуй, чаще, нежели послѣдніе. Отсюда выводимъ мы ту мысль, что земледѣліе явилось у вотскаго народа въ весьма древнее время, а именно еще тогда, когда устанавливался религіозный ритуалъ вотяковъ, такъ какъ ни въ одной сохранившейся до насъ молитвѣ («*курысь-конь*»),—весьма подробно излагающей всѣ нужды вотяковъ, нѣтъ ни малѣйшаго намека на удачу въ охотѣ или въ рыбной ловлѣ, а просится лишь объ урожаѣ хлѣбовъ, о приплодѣ скота и вообще о всякомъ счастьѣ-довольствѣ («*шудъ-буръ*»).

Рядъ жертвоприношеній, относящихся къ земледѣлію, начинается раннею весною, нынѣ уже весьма рѣдко встрѣчаемымъ (въ Глазовской и Тольенской вол.) праздникомъ, назыв. «*Гуждоръ*», что значитъ «*первыя проталинки*», справляемымъ лишь только покажутся весною на поляхъ первыя очистившіяся отъ снѣга мѣста.

Вторымъ праздникомъ той-же категоріи

нужно указать «*Э кэлять*», что значитъ «*проводы льда*». Этотъ праздникъ долженъ справляться собственно во время разлива рѣки, тотчасъ-же послѣ очищенія ея отъ льда, но въ настоящее время переносится иногда и на время много позже разлива рѣки, чаще всего будучи празднуемъ на другой день праздника «*Гэры потътонъ*» (*вывозъ сохи*),— третьяго древне-вотскаго земледѣльческаго праздника, которымъ начиналась пашня яроваго поля.

Четвертымъ праздникомъ является въ ряду древнихъ вотскихъ земледѣльческихъ праздниковъ «*Гэры сектанъ*» — «*чествованіе сохи*». По нашему мнѣнію, праздникъ этотъ долженъ былъ справляться по окончаніи пашни въ яровомъ полѣ;—но въ настоящее время чаще всего онъ празднуется черезъ день отъ «*Гэры потътонъ*» или,—что тоже,—на другой день послѣ «*Э кэлянъ*». Взятые всѣ вмѣстѣ эти три праздника носятъ нынѣ какое-то татарское названіе «*акаяшка*».

Пятымъ праздникомъ будетъ «*Джегъ луд дурэ*» т. е. (*праздникъ*) «*на краю ржаннаго поля*», справляемый тогда, когда озимые хлѣба поднимутся уже настолько, что по полю нельзя ходить безъ вреда для растительности. Чаще всего эта жертва приносится или за нѣсколько дней ранѣе Вознесенья,

пли спустя нѣсколько дней послѣ Вознесенья, около половины мая.

Кваръ-восянъ «освященіе листьевъ»,— это шестой древне-вотскій земледѣльческій праздникъ. Въ настоящее время мы получили о немъ свѣдѣнія только изъ Юмской вол. и празднество его соединено съ хрпстіанскпмъ праздникомъ Троицы; по въ древности этотъ праздникъ былъ, по всей вѣроятности,— благодарственною жертвою Кылдысину за благополучный разцвѣтъ всей растительности.

Седьмой праздникъ въ настоящее время никакими жертвоприношеніями не сопровождается и по значенію сходенъ съ русскимъ суевѣрнымъ представленіемъ, и даже для своего названія имѣетъ уже русское слово: это— «*Музьемъ ниманнпкъ*» т. е. «*земля имянинница*», и, конечно, мы не придали бы вѣроятія увѣреніямъ стариковъ, что «*это издревле праздновалось*», если-бы въ нѣкоторыхъ волостяхъ этотъ-же самый праздникъ не назывался «*Гудыры ниманнпкъ*», что значитъ «*громъ имянинникъ*», а послѣднему празднику у русскихъ уже нѣтъ никакого соотвѣтствія. Въ настоящее время праздникъ этотъ справляется па второй день послѣ Троицы, т. е. въ Духовъ день.

Восьмой праздникъ вотяковъ-земледѣльцевъ называется «*Дзекъ-гэрбэръ*», что буквально значитъ (праздникъ) «*послѣ большой*

страды», т. е. пашни и посѣва яроваго и огородныхъ работъ. Этотъ праздникъ справляется въ настоящее время около Петрова дня (29 іюня) и подобно *«акаяшкамъ»* состоитъ изъ трехъ дней (которые, точно также, какъ и *«акаяшка»*, могутъ быть сокращены въ одинъ день). Первый день (29 іюня) называется: *«Дзэкъ-гэрбэръ шыдъ-сіонъ»*, т. е. *«обѣдъ послѣ большой пашни»*. Второй день (30 іюня) назыв. *«Джэгъ утчанъ»*, т. е. *смотрины ржи*, или *«Джэгъ сектанъ»* *«чествованіе ржи»*. Третій день (1 іюля) наз. *«Веникъ ваенъ»*, т. е. *собираніе вѣниковъ*.

Девятый—*Кусо азэ виро*, что значитъ *тризна передъ косой* (т. е. передъ сѣнокосомъ).

Десятый праздникъ называется *«Почи гэрбэръ»* т. е. *(праздникъ) послѣ малой страды»* (т. е. послѣ сѣнокоса). Въ настоящее время онъ сближенъ вотяками съ православнымъ праздникомъ Ильина дня (20 іюля).

Одиннадцатый праздникъ наз. *«Инмаръ лы курбонъ»* т. е. *жертва Инмару*. Этотъ праздникъ совершается по окончаніи жатвы, именно въ благодарность за урожай хлѣба. Опредѣленнаго дня для этой жертвы нѣтъ, но обыкновенно она бываетъ около первыхъ чиселъ сентября.

Двѣнадцатый—наз. *Иужымъ улэ курбонъ*, т. е. *жертва подъ сосною*, и справляется по окончаніи озимой пашни и посѣва.

Тринадцатый. Начало молотьбы вотякъ также празднуетъ особымъ праздникомъ, который называется «*Выль джукъ*», т. е. *Новая каша*, и получилъ свое названіе отъ обязательной въ этотъ день каши изъ ячменя перваго умолота.

Наконецъ четырнадцатымъ праздникомъ вотякъ-земледѣлецъ оканчивалъ умолотъ годичной мѣры хлѣба и праздникъ этотъ, совершаемый отдѣльной семьей въ день послѣдней молотьбы, носитъ названіе «*Кутцамъ быдтонъ*», т. е. *окончаніе молотьбы*, а справляемый всею деревнею этотъ праздникъ паз. *Кутесъ-туй*.

Рядомъ съ заботою объ урожаѣ хлѣбовъ и травъ у всякаго земледѣльца лежитъ на сердцѣ и забота о домашнихъ животныхъ, которыя въ предшествующемъ періодѣ его жизни служили для него главнымъ средствомъ пропитанія, да и въ настоящемъ періодѣ необходимы для него на случай какъ удобренія, такъ и воздѣлыванія полей. Поэтому наряду съ праздниками, возникшими подъ вліяніемъ разныхъ земледѣльческихъ тревогъ и упованій, стояли у древнихъ вотяковъ-язычниковъ особые праздники въ честь духовъ,— покровителей домашнихъ животныхъ, которыхъ (духовъ) вотякъ считалъ нужнымъ или просить о покровительствѣ, или благодарить за благодѣтельное вліяніе. Въ настоящее время

слѣдами такихъ праздниковъ служатъ общедеревенскіе курбоны, преимущественно «*Вумурту*», т. е. *водяному*, а затѣмъ «*Нюлэсъ-мурту*», т. е. лѣшему. Характернымъ отличіемъ такихъ праздниковъ является содержаніе молитвъ, читаемыхъ при жертвоприношеніяхъ. Нынѣ нами найдено всего семь такихъ праздниковъ:

Первый, нынѣ слившійся съ христіанскимъ праздникомъ Георгія Побѣдоносца, (23 апрѣля) называется по-вотски «*лэзенъ лудэ*», т. е. «*выгонъ (скотины) въ поле*».

Второй—совершается на третій или четвертый день послѣ Троицына дня и называется по-вотски: «*Нюлэсъ-муртъ ниманникъ*», т. е. лѣшій имянинникъ. Какъ мы и раньше указывали, слово «*нимапникъ*» хотя и происходитъ отъ вотскаго слова «*нимъ*»—имя, но составлено въ подражаніе русскому слову: *имянинникъ*,—что указываетъ намъ на позднѣйшее происхожденіе, если не самаго праздника, который раньше могъ называться и иначе, то, во всякомъ случаѣ, современнаго имени праздника.

Третій—(между 15 и 20 іюлемъ), по окончаніи сѣнокоса, предшествуя «*Ночигэрбэру*», праздникъ «*Вумурту*», не имѣющій въ настоящее время особаго названія.

Четвертый (около 1 августа), когда начнутъ вырѣзать медъ изъ ульевъ,—праздникъ

«Лудъ-мурту» или вѣрнѣе чествованіе *«Лудъ-мурта»* жертвою.

При первой *«порошѣ»* слѣды пятаго праздника, сохранившіеся въ жертвоприношеніи *«Нюлэсъ-мурту»*.

Около 1 ноября шестой праздникъ въ честь божествъ,—покровителей лошадей, носящій нынѣ названіе *«Валъ ниманникъ»* — *лошадь имянинница.*

Наконецъ седьмой праздникъ оставилъ свои слѣды въ жертвоприношеніи *«Ву-мурту»* передъ замерзаніемъ рѣки.

Кромѣ праздниковъ, сохранившихъ слѣды древняго язычества въ самыхъ своихъ названіяхъ, вотяки во многіе дни христіанскихъ праздниковъ исполняютъ суевѣрные обряды, иногда сходные съ русскими, а иногда и отличные отъ русскихъ суевѣрій, почему можно думать что табель-календарь ихъ древняго языческаго года заключалъ въ себѣ болѣе праздничныхъ дней, нежели 20—30, нами указанныхъ. Вообще изъ православныхъ праздниковъ вотяки обязательно соблюдаютъ: 1) всѣ престольные праздники своей приходской церкви, 2) Пасху, Масляницу и Рождество, 3) два поминанья: а) Радоница (*«дзэкъ-поминка»* —большія поминки) во вторникъ Ѳоминой недѣли и б) около Покрова (*«почи-поминка»* —малыя поминки). 4) Чистый понедѣльникъ (по-вотски *«крэнь нуналъ»* —т. е.

хрѣновъ день). 5) Великій Четвергъ; 6) 1-го августа и 6 января, водосвященія, наз. у вотяковъ первое: «*ву вылынъ сылонъ* , т. е. *стояніе на водѣ*, а второе: «*э вылынъ сылонъ*» , т. е. *стояніе на льду*, п 7) 1 января *Новый годъ* наз. по-вотски «*выляръ*» .

Разумѣется, современные вотяки уже на столько христіане, что не работаютъ во всѣ праздничные дни православной церкви (по крайней мѣрѣ, не работаютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда обстоятельства не заставляютъ торопиться окончаніемъ того или другаго земледѣльческаго дѣла), но сравнительную важность такихъ праздниковъ, какъ Рождество Богородицы, Воздвиженія и т. п., и простаго воскресенья — понимаютъ между вотяками далеко не всѣ. Различіе между христіанскими праздниками, указанное нами въ первой группѣ, и перечисленными въ третьей, состоитъ не только въ томъ, что на праздникахъ первой группы совершаются жертвоприношенія и другіе обряды, служащіе ясными слѣдами древняго языческаго культа, тогда какъ на праздникахъ третьей группы слѣды древняго культа едва замѣтны по несложности обрядовъ и по сходству ихъ съ русскими суевѣрными обрядами; но весьма важное различіе можетъ быть указано и въ томъ, что при празднованіи вотяками напр., «*Квиръ восянʼа*» или «*Дзэкъ гэрбэра*» совер-

шенно отсутствуетъ какое-либо представленіе въ первомъ случаѣ—о Троицѣ, во второмъ—объ Апостолахъ Петрѣ и Павлѣ, тогда какъ при празднованіи «*Выляра*», «*Крэнь нуналъ*» или «*Великъ тэмъ*» —вотякъ непремѣнно представляетъ себѣ начало года, начало великаго поста (заговѣнье на хрѣнъ да на рѣдьку) или Великіе дни Свѣтлаго Христова Воскресенія, и самые суевѣрные обряды, совершаемые вотяками въ эти дни, находятся въ большей или меньшей связи съ причиною праздника.

Теперь взглянемъ въ частности на обряды, сопровождающіе каждый изъ перечисленныхъ выше нами праздниковъ.

1) *Гуждоръ* (отъ двухъ вотскихъ словъ: *гужемъ*—лѣто, теплое время года, и *доръ* (предлогъ)—къ, у, при,—значитъ: къ теплому времени года (поворотъ). Собственно слово «*гуждоръ*» нынѣ употребляется въ смыслѣ «*проталина*»,—мѣсто, на которомъ ранѣе другихъ стаялъ снѣгъ). Такъ назывался весенній праздникъ вотяковъ, который сохранился въ настоящее время уже далеко не во всѣхъ восточныхъ волостяхъ (а именно: только въ Тольенской, Лыпской и Глинской) да и въ этихъ волостяхъ не вездѣ уже справляется съ одинаковою торжественностью. Въ волостяхъ же среднихъ и западныхъ онъ или позабытъ совершенно, или напоминается лишь тѣмъ, что въ одинъ изъ первыхъ теплыхъ дней (или

вѣрнѣе вечеровъ), когда образуются на поляхъ проталины,—деревенская молодежь выходитъ на поля, поетъ здѣсь пѣсни и пляшетъ, причемъ, конечно, дѣло не обходится и безъ кумышки.

Какъ всякому вотскому празднику, *Гуждору*, предшествуетъ обязательное омовеніе въ банѣ всѣхъ членовъ семьи, отъ стараго до малаго, и надѣваніе бѣлыхъ одеждъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ общественной жертвѣ предшествуетъ моленіе Ворпудамъ въ «*почи*» —и «*дзэкъ-квал'ахъ*», хотя на это и надо смотрѣть какъ на позднѣйшее пововведеніе въ праздничный ритуалъ,—не имѣющее основанія въ прошломъ,—такъ какъ можно съ достовѣрностью утверждать (по апалогіи съ большинствомъ праздничныхъ порядковъ), что жертвоприношеніе въ *квал'ахъ*, соединенное съ молитвами Ворпудамъ, въ древности совершалось лишь тогда, когда въ самый день торжества не происходило закланія быка или другихъ жертвенныхъ животныхъ и птицъ въ полѣ, а въ «*Г'уждорѣ*», въ древности, закалывался всюду бѣлый быкъ, кости котораго, по окончаніи ѣды, сжигались. Самый быкъ для жертвы въ «*Г'уждорѣ*», какъ на всѣхъ другихъ подобныхъ ему случаяхъ, пріобрѣтался покупкою на деньги, собранныя со всѣхъ жителей деревни, или даже цѣлой мѣстности, по особой предварительной

раскладкѣ. Чаще всего и самый день жертвоприношенія «*Гуждора*» (опять какъ и во всѣ другіе праздники) опредѣлялся и опредѣляется по сіе время на «*кэнэшь*» (сходкѣ) стариковъ и только въ рѣдкихъ случаяхъ въ настоящее время день этотъ назначается по указанію старшаго изъ ворожцевъ: («*туно*»), какъ и въ древности, по всей вѣроятности, былъ указываемъ «*абызомъ*».

Съ утра, въ самый день праздника, во всѣхъ домахъ готовятся «*табани*», яичницы и хлѣбы,—приготовляется въ бураках пиво, въ мѣшечкахъ крупа ячная или овсяная и соль, и,—много ранѣе полудня,—семьи, одѣтыя въ бѣлые праздничные костюмы, захвативъ съ собою въ шестеряхъ съѣстные припасы и посуду (деревянныя чашки, ложки и т. п.),—отправляются на предназначенное мѣсто, къ старой соснѣ или, за неимѣніемъ ея, подъ елку и даже иногда въ «*восяськопни чатча*», если послѣдняя не сильно занесена снѣгомъ и не слишкомъ близка къ деревнѣ, а наоборотъ близка къ озимому полю, о благосостояніи котораго главнымъ образомъ и молятся на праздникѣ «*Гуждоръ*».

Но еще ранѣе, чѣмъ начали собираться семьи, на мѣсто пріѣхали уже «*дзэкъ потъ*» «*почи поты*», и варители жертвенной каши (*пэрасъ*), привезшіе съ собою нѣсколько большихъ котловъ и приведшіе быка. Они успѣ-

ваютъ немного очистить мѣсто отъ снѣга, а подходящая молодежь нарубаетъ пихтовыхъ и еловыхъ вѣтокъ и разстилаетъ ихъ по землѣ густымъ ковромъ. Подлѣ этого ковра приготовляется костеръ, рядомъ съ которымъ далѣе приготовляются и другіе костры по числу котловъ, а подлѣ нихъ устраиваются приспособленія для подвѣшиванія надъ ними котловъ. Подъ деревомъ ставится довольно высокій на козлахъ столикъ, на который иногда ставится Воршудный коробъ, а въ древности (какъ надо полагать) ставились и идолы, потому что еще недавно при этихъ моленіяхъ на дерево подвѣшивали дендоры, этихъ преемниковъ прежде бывшихъ кумировъ. По сторонамъ отъ дерева устраивались временные столы на козлахъ, подобные тѣмъ, какіе мы описывали въ *Быдзимъ квилахъ*, но скамеекъ при этихъ столахъ не полагалось, такъ какъ жертва поѣдалась на землѣ, а столы служили только для постановки для нихъ съѣстныхъ припасовъ.

Когда «*дзэкъ-попъ*» видѣлъ, что собрались если не всѣ, то большинство ожидаемыхъ семей; тогда, на середину между столами, на коверъ изъ пихты, по близости къ первому костру, приводился бѣлый быкъ назначаемый въ жертву, а «*дзэкъ-попъ*», покрайней мѣрѣ съ двумя помощниками («*почи-попами*») становился въ шапкѣ—

посрединѣ, подлѣ костра, обратясь лицомъ къ дереву и начинать читать молитву, въ которой, призывая три лица вотской тріады и воршудовъ, просить у нихъ хорошаго урожая, особенно озими, такъ что все моленіе «Гуждора» главнымъ образомъ касается озими. Впрочемъ въ молитвѣ говорятъ о скотинѣ и вообще о счастьи и благополучіи (шудъ-буръ). По прочтеніи молитвы лица, назначенныя для варенія пищи (*«пэрась»*) приближаютъ быка къ *дзэкъ-поту*, которому *почи-поты* передаютъ ковшъ съ холодной водою, и тотъ, въ свою очередь, поливаетъ быка черезъ вѣнецъ 3 раза съ головы до хвоста по всей спинѣ, и если быкъ вздрогнетъ отъ нечаянности, то это считается признакомъ принятія жертвы богами и слѣд. успѣха моленія; если же быкъ не вздрогнетъ, иногда требуются дополнительныя жертвы изъ гуся, утки и т. п. Обреченный на жертву быкъ во всякомъ случаѣ убивается и убивается именно сильными ударами ножа, которыми *пэраси* стараются перерѣзать главныя артеріи на шеѣ быка, чтобы вытекло какъ можно больше крови. Сохранились разсказы, что въ языческія времена кровь эта собиралась въ особые ковши, весьма большихъ размѣровъ, наз. по-вотски *«копаръ»*, а изъ *«копара»* пили эту кровь еще теплую всѣ присутствующіе.— Въ настоящее же время первая, боль-

шая, часть крови выпускается въ костеръ, а другая, меньшая, половина разливается по чашкамъ и отсюда поступаетъ въ котлы, гдѣ и варится вмѣстѣ съ мясомъ. Чтобы быкъ не бился, его связываютъ по ногамъ и нынѣ даже валятъ его на землю передъ костромъ; а прежде, въ языческія времена, ногъ не связывали, но держали за хвостъ и за рога, къ которымъ привязывали длинныя веревки, и закалали его стоячаго, почему въ преданіяхъ нерѣдки указанія на бѣгство жертвеннаго быка, послѣ полученія первыхъ ранъ, бѣгство—на весьма далекое разстояніе отъ мѣста жертвоприношенія. Во время кропленія и зарѣзыванія его, *дзэкъ попъ* громко произноситъ слѣд. слова:

«*Туннэ нуналэнъ вуттыськомъ верамъ кылмэсъ макэ шедезъ, соэ, шуса; шунытъ небытъ кіядъ басьты, Инмарэ, Кылдысинэ*»! т. е. «Сегодня мы исполняемъ слово, данное нами вамъ прежде; пріимите теплыми мягкими руками о Инмаръ, Кылдысинъ»!

Послѣ этого съ зарѣзаннаго животнаго снимается шкура, которая чаще всего продается тутъ-же на мѣстѣ публичнымъ торгомъ, но во время жертвоприношенія она должна висѣть тутъ-же на деревѣ и только послѣ жертвоприношенія можетъ быть унесена покупщикомъ. Голова, мясо и ноги животнаго очищаются и кладутся въ котлы

для варки;—точно также туда поступаютъ и внутреннія части животнаго, которыя напередъ подростками—дѣвушками вычищаются отъ дряни и вымываются... Когда мясо достаточно сварится въ котлахъ, его вынимаютъ оттуда на ночвы, а въ котлы засыпаютъ ячную крупу и соль, собранныя по равной мѣрѣ съ каждой души въ деревнѣ, и пока варится каша кухарями,—мясо раздѣляется на части, больше счетомъ наличнаго числа ѣдоковъ, а попы во все время варки мяса и каши совершаютъ освященіе хлѣбовъ и блиновъ, подносимыхъ имъ каждымъ отдѣльнымъ домохозяиномъ. Прп этомъ читается каждому та молитва, которая читалась передъ закланіемъ быка (длинная), почему времени за освященіемъ хлѣбовъ и блиновъ проводится не мало. Самое освященіе хлѣбовъ производится такъ: каждый домохозяинъ подноситъ къ *дзэкъ-попу* хлѣбъ съ положеннымъ на него яичнымъ блиномъ, который *дзэкъ-попъ* и беретъ къ себѣ въ руки; затѣмъ домохозяинъ подноситъ ему-же сначала въ большей чашечкѣ пиво или брагу, затѣмъ въ меньшей—кумышку, а *дзэкъ-попъ*, придерживая хлѣбъ лѣвой рукою, правой беретъ у него чашечки съ напитками и передаетъ пиво *почи-попу*, стоящему на правой рукѣ, а кумышку—*почи-попу*, стоящему у него съ лѣвой руки. Прп окончаніи молитвы, словомъ: «*сябасъ*» ! («будьте здоровы»),

дээкъ-потъ беретъ опять правою рукою у своихъ помощниковъ сначала пиво или брагу, небольшую часть которыхъ выливаетъ при этомъ на костеръ, часть выпиваетъ самъ съ помощниками, а остатки передаетъ выпить домохозяину. Точно также поступаетъ онъ и съ кумышкою, а отъ хлѣба отрѣзаетъ горбушку, часть которой бросаетъ въ огонь, часть— отвѣдываетъ самъ со своими помощниками, а остальную часть отдаетъ домохозяину. Домохозяинъ, выпивъ содержимое чашечекъ, передастъ ихъ слѣдующему домохозяину и т. д. до тѣхъ поръ, пока не будетъ благословлена пища и питье всѣхъ домохозяевъ. Къ тому времени поспѣваетъ каша и будетъ разрѣзано и простужено мясо, почему *пэрасы* приступаютъ къ одѣленію семей мясомъ и кашей, для чего опять каждый домохозяинъ подходитъ съ большою чашкою, въ которую ему и наливаютъ изъ котловъ особыми большими черпаками кашу и кладутъ мясо (по куску на каждаго ѣдока). Домохозяева подходятъ къ *пэрас'ямъ* по особому вызову и не прежде какъ совершили попы обрядъ *шыдсіона*, этой второй, обязательной, послѣ закланія, части общественнаго жертвоприношенія.—Обрядъ *шыдсіона* состоитъ въ томъ, что,—получивъ отъ *перася* самую первую чашку съ кашей и мясомъ на свой столъ, попы втыкаютъ свои ложки стойкомъ между

краемъ чашки и кашей, ручкой кверху,—съ разныхъ сторонъ чашки; затѣмъ *дзэкъ-попъ* и *почи-попы* охватываютъ правыми руками по части нижней стороны чашки и при громкомъ чтеніи *дзэкъ-попомъ* той-же длинной молитвы, которая читалась впачалѣ, стоя, тихо подымаютъ нѣсколько разъ (по 3 раза трижды) чашку на воздухъ вровень со своею головой и также тихо опускаютъ ее на столъ. По окончаніи же молитвы, спачала попы—въ порядкѣ старшинства, а затѣмъ—домохозяева, по порядку вызова, съѣдаютъ по ложкѣ благословенной каши, послѣ чего идутъ за кашей для своей семьи, между членами которой и раздѣляется каша съ мясомъ такъ, что небывшіе на жертвоприношеніи получаютъ свою долю дома. Присутствующіе же садятся за столы и съѣдаютъ кашу на мѣстѣ, причемъ, если ея сварено достаточно, иногда дается вторая чашка каши, но мяса уже не прибавляется. *Дзэкъ* и *почи-попы* сидятъ на переднемъ мѣстѣ. за отдѣльнымъ столомъ, (а иногда и на переднемъ мѣстѣ общихъ столовъ), но всегда вмѣстѣ съ ними сидятъ выборные наз. «*тырэ-пукысъ*» ,—*сидящій въ переднемъ углу мужчина* и «*тырэ баба*» ,—*сидящая въ переднемъ углу баба*, или одинаково «*джэкъ сярынъ пукысъесъ*» ,—т. е. *за столомъ сидящіе*, это обыкновенно бываютъ тѣ лица, у которыхъ куплено жерт-

венное животное, если только оно куплено въ своей деревнѣ, или,—выбранные на одинъ разъ,—мужъ и жена, изъ уважаемѣйшихъ стариковъ деревни, если животное было куплено гдѣ-нибудь въ чужой деревнѣ. Кромѣ этихъ лицъ съ попами-же вмѣстѣ сидятъ и тѣ лица, которыя смотрѣли за варкою мяса и капи (*пэраси*). А такъ какъ для всѣхъ этихъ лицъ совершается отдѣльный сборъ пива, кумышки, хлѣба и яичныхъ блиновъ, то обыкновенно, всѣмъ выборнымъ, начиная съ поповъ, достается не мало и выпивки, и закуски...

Съѣвъ кашу, бабы и подростки отправляются домой, неся съ собою въ буракахъ части каши и мяса для лицъ, не присутствовавшихъ при жертвоприношеніи по уважительнымъ причинамъ, а кухари *пэраси* наполняютъ самую большую чашку мелко изрѣзанными кусками оставшихся частей мяса и затѣмъ ставятъ ее на столъ къ попамъ. Эти куски называются «*м'лэмъ силъ*», т. е. оставшееся мясо. Вмѣстѣ съ этимъ, въ особыхъ большихъ буракахъ, ставятся на столъ предъ попами слитые въ одинъ буракъ остатки собранной кумышки, а въ другой буракъ,—остатки пива и браги. Это называется повотски «*м'лэмъ-нянь*». Части мяса и напитковъ сожигаются на кострѣ, а остальныя части раздѣляются присутствующимъ въ такомъ

порядкѣ: сначала попы по старшинству отпиваютъ пива и кумышки, затѣмъ даютъ хлѣбнуть *«джэкъ сярынъ пукысъ»* и *пэрас'ямъ*, а наконецъ и прочимъ домохозяевамъ по порядку. Мясо также ѣдятъ сначала попы, затѣмъ *«джэкъ сярынъ пукыс'и»*, *пэрас'и* и потомъ чашку отдаютъ домохозяевамъ, которые хватаютъ отсюда уже безъ порядка, всякій сколько можетъ.

Послѣ ѣды всѣ приносятъ попамъ кости жертвеннаго животнаго, собранныя на мѣстѣ ѣды въ грудки, и несутъ ихъ къ костру, гдѣ попы кидаютъ кости въ огонь и, сжигая ихъ здѣсь, читаютъ все время про себя какія-то молитвы.

Въ заключеніе торжества (если оно кончилось рано, то въ тотъ же день, а если кончилось поздно, то раннимъ утромъ слѣдующаго дня) совершается особая религіозная игра, называемая *«тау каронъ»*, благодарность, принесенія благодарности. Для этой игры оставляютъ нарочно часть ѣды и напитковъ, а въ самой игрѣ принимаютъ участіе только *попы*, *тырэ-пукис'ы*, *пэраси* и домохозяева. Выбираютъ самаго здороваго мужика и даютъ ему въ руки хвостъ заколотаго быка, очищенный отъ шерсти и для крѣпости заваренный въ водѣ. Этотъ мужикъ получаетъ названіе: бычка (ошпп) и исполняетъ его роль; онъ машетъ сзади себя хвостомъ, голову

прпгибаетъ къ груди и начинаетъ мычать и ревѣть. а *тырэ пукыс'и*, сидя за столомъ, наливаютъ въ чашки пива и кумышки и начинаютъ кликать быка, говоря: *ттруконь-ттруконь ошти*. «Быкъ» съ мычаніемъ и ревомъ подходитъ къ столу, гдѣ ему предстоитъ задача: держа сзади обѣими руками бычій хвостъ и наклонясь къ столу верхней частью туловища,—выпить прямо изъ чашки кумышку; но задача эта весьма трудно исполнима. такъ какъ всѣ остальные мужики со смѣхомъ окружаютъ его и начинаютъ толкать въ разныя стороны, не давая ему возможности выполнить задачу. Изображающій быка показываетъ видъ, что онъ очень разсердился на такое невѣжливое обращеніе съ нимъ, и. обернувшись къ мужикамъ лицомъ, а хвостъ взявъ въ правую руку, начинаетъ бить ихъ этимъ хвостомъ, а тѣ разбѣгаются отъ него въ разныя стороны. И опять быкъ идетъ, понуря голову, къ чашкѣ съ кумышкою, и снова вокругъ него собирается толпа, мѣшающая ему, которую онъ опять разгоняетъ, и такъ повторяется нѣсколько разъ... Разумѣется, чѣмъ долыпе не даютъ быку выпить кумышку, тѣмъ болѣе онъ входитъ въ свою роль быка и горе тому, кого онъ тогда догонитъ: онъ бьетъ того по чему попало изо всѣхъ силъ и, ничего не разбирая. Наконецъ быкъ всякими неправдами успѣваетъ выпить ку-

мышку, послѣ чего угощаются ею и всѣ остальные присутствующіе, чѣмъ и кончается «*тау-каронъ*», а вмѣстѣ съ нимъ и богомолье.

Жертвоприношеніе «*Гуждора*», по всей вѣроятности,—есть жертва Нимару,—что доказывается и сожженіемъ костей жертвеннаго животнаго, и самыми обращеніями къ Нимару одному или вмѣстѣ съ Кылдысиномъ, (какъ съ божествомъ, удалившимся на небо-же), встрѣчающимися въ серединѣ молитвы.

2) *Э кэлянъ* (отъ словъ «*Э*» —*ледъ* и *кэлянъ*—*проводы*)— «проводы льда» второй весенній праздникъ у вотяковъ, посвящаемый рѣчкамъ и ручьямъ, а слѣдовательно и рѣчнымъ божествамъ, преимущественно «*Ву-мурту*». Въ настоящее время праздникъ этотъ составляетъ чаще одинъ изъ дней праздника «*акаяшекъ*», которымъ освящается начало яроваго посѣва, и такимъ образомъ ледъ провожаютъ уже тогда, когда о послѣднемъ, можно сказать, самая память исчезла. Само собою, въ древности, названіе точно опредѣляло время праздника и этотъ праздникъ всегда справлялся много раньше «*акаяшекъ*».

На «*Э кэлянъ*» не приносится кровавой жертвы, а мѣстомъ для жертвоприношенія выбирается угоръ или просто лужайка на берегу ближайшей рѣчки [1]). Мѣсто для

---

[1]) **Примѣчаніе.** Въ одномъ селеніи на нашей памяти, т. е. послѣ 1885 г., моленіе «*Э кэлянъ*» совершалось

празднованія «*Э кэлянъ*» всюду опредѣлено разъ навсегда и сюда, часа въ 2 пополудни, въ назначенный день, спѣшатъ вымытые и въ праздничныхъ бѣлыхъ одеждахъ вотяки и вотянки, таща съ собою въ пестеряхъ яичницы (обязательное блюдо), хлѣбъ, соль и, въ особыхъ сосудахъ,—пиво и кумышку. Въ настоящее время праздникъ «*Э кэлянъ*» сопровождается самымъ изобильнымъ угощеніемъ кумышкою: ее приносятъ съ собою въ карманахъ не только мущины и всѣ взрослыя женщины,—но (обязательно) и всѣ дѣвки и парни, и даже ребятишки годовъ 8, хотя-бы въ самыхъ маленькихъ пузырькахъ и самой слабой. Приходятъ и «*попы*», а домохозяева устанавливаютъ въ рядъ всѣ принесенные съ собою пестери, бутылки съ кумышкою и бураки съ пивомъ, ковши, чашки или стаканы. Послѣ этого, когда соберется большинство деревенскихъ семей, *дзэкъ попъ* встаетъ лицомъ къ востоку передъ столомъ, на столъ кладетъ поднесенные ему три прутика пихты, вынимаетъ изъ пестеря бутылку съ кумышкою и отливаетъ немного кумышки въ свой стаканъ, а затѣмъ къ нему начинаютъ подходить въ порядкѣ домохозяева, которые одни

подлѣ мельницы, принадлежащей русскому,—на особомъ помостѣ, устроенномъ на сваяхъ и обведенномъ перилами. Съ трехъ сторонъ этого помоста, выходящихъ на рѣку, устроены были скамьи, а посреднѣ стоитъ большой столъ.

только и стоять вблизи, тогда какъ бабы и молодежь стоятъ въ сторонѣ сзади, не принимая пока никакого участія въ молепіи и не занимаясь нѣкоторое время никакимъ дѣломъ. Каждый домохозяинъ, подходя къ попу, выслушиваетъ короткую молитву *Ву-мурту*, послѣ которой *дзэкъ-попъ* отламываетъ небольшой кусокъ хлѣба и яичницы и кладетъ ихъ на пихту на столѣ, а остальную часть ломтя отдаетъ обратно домохозяину,—затѣмъ отливаетъ въ свои сосуды часть кумышки и пива, пробуетъ самъ съ *«почи-попами»*, а остатки даетъ допить самому домохозяину. Послѣ этого домохозяинъ идетъ къ своей семьѣ и тамъ даетъ по куску хлѣба и яичницы своимъ домашнимъ и угощаетъ ихъ пивомъ и кумышкою. Обыкновенно, домохозяева стараются подходить къ *«попу»* по теченію рѣки, а уходя отъ него, также пройти нѣкоторое время по теченію-же.—Послѣ того, какъ кончитъ обрядъ благословенія пищи и питья (наз. *Остэ-каронъ*, т. е. актъ благословенія), *дзэкъ-попъ*, обратясь лицомъ противъ теченія рѣки, читаетъ молитву рѣкамъ и Ву-мурту о томъ, чтобы весна была тихая, чтобы разливы рѣкъ не причинили какихъ-либо убытковъ, чтобы вмѣстѣ со льдомъ были унесены болѣзни животныхъ и человѣка, чтобы не тонули ни люди, ни скотъ и т. д. Окончивши молитву попы подходятъ къ рѣкѣ, гдѣ выли-

ваютъ общую кумышку и пиво по прутику въ воду и съ прутиковъ также бросаютъ въ воду сборные куски хлѣба и яичницы. Послѣ этого всѣ старшіе снова выпиваютъ кумышки и пива, а бабы и молодежь стоятъ въ сторонѣ. Выпивши одну (а иногда и нѣсколько) рюмокъ, попъ подходитъ къ молодежи и кланяется ей безъ словъ: этимъ онъ даетъ знать, что пора идти провожать ледъ, а потому бабы, парни и дѣвки толпою уходятъ внизъ по теченію рѣки тихо, а потомъ запѣваютъ пѣсни (особыя «на *Э кэлянъ*») и возвращаются на старое мѣсто уже съ пѣснями. Въ отсутствіе молодежи старики продолжаютъ пьянствовать, а когда придетъ молодежь, —то «*дээкъ-попъ* подходитъ къ нимъ и говоритъ: «*сябась, пинальесъ!* т. е. *будьте здоровы, дѣти!* и тогда всѣ уже поголовно начинаютъ принимать горячее участіе въ выпивкѣ, угощая сначала своихъ родныхъ, а затѣмъ и всѣхъ знакомыхъ. Дѣвки поютъ пѣсни, а парни стрѣляютъ изъ ружей по теченію рѣки и по ея поверхности. Пѣніе дѣлается все веселѣе и веселѣе и наконецъ переходитъ въ плясовую. Первымъ плясать начинаетъ «*дзэкъ-попъ*», который въ компанію съ собою выбираетъ одного изъ «*почипоповъ*», а домохозяева пляшутъ съ домохозяевами, молодежь съ молодежью. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ попы и домохозяева

начинаютъ плясать уже тогда, когда бабы и молодежь уйдутъ домой, достаточно нагулявшись, а остаются на мѣстѣ моленія только одни старики съ домохозяевами и попами; но чаще въ заключеніе проводъ льда исполняется еще другая забава, паз. «*сялтымъ-басьтонъ*», т. е. *вынужденный подарокъ*. и едва-ли не имѣвшая въ древности значенія ознакомленія зимою вышедшихъ замужъ въ деревню молодицъ съ ближайшимъ Бу-муртомъ. Забава эта состоитъ въ томъ, что молодые парни и дѣвки стаскиваютъ такую зимнюю молодицу къ самой водѣ рѣки и тамъ стараются ее обрызгать или облить водою, причемъ стращаютъ и совсѣмъ окунуть ее въ воду въ одеждѣ и даже подымаютъ ее надъ водой. Чтобы спастись отъ непріятнаго купанья,—молодушка обѣщаетъ какой-либо подарокъ, (чашку пива, рюмку кумышки, а иногда выпрашиваютъ и болѣе цѣнные подарки—платки и полотенца). На эту забаву обыкновенно не остаются старики и попы, или по крайней мѣрѣ принимаютъ въ ней мало участія.—Чаще всего молодицъ вызываютъ сначала поплясать впередъ толпы, а когда она выйдетъ и немного попляшетъ,—на нее бросается нѣсколько человѣкъ, которые и утаскиваютъ ее къ рѣкѣ.

Наплясавшись и наигравшись до-сыта, всѣ идутъ въ деревню, гдѣ продолжаютъ уго-

щаться другъ у друга до самой поздней ночи, переходя изъ дома въ домъ.

Акаяшка. Подъ этимъ именемъ извѣстенъ нынѣ третій весенній земледѣльческій праздникъ вотяковъ, которымъ они освящали начало посѣва ярового. Названіе этого праздника, продолжающагося нѣсколько дней, взято изъ татарскаго языка и нынѣ говорятъ: «*первый день акаяшекъ*» «*второй день акаяшекъ*» и т. д. По-вотски же нѣтъ общаго названія для всего праздника, каждый отдѣльный день имѣетъ особое названіе, обозначающее главный обрядъ, въ этотъ день совершаемый. И въ древности едва-ли этотъ праздникъ могъ имѣть общее названіе, такъ какъ три дня первыхъ употребляются на моленіе разнымъ божествамъ, а именно: первый день (нынѣ обозначаемый: «накапунѣ *Гэры-поттонъ*»)—моленіе Инмару и Воршудамъ;—второй день (нынѣ *Гэры-поттонъ*)—моленіе Кылдысину и третій день (*Гэры-сектинъ*)—моленіе Квазю. Праздникъ этотъ, въ разные годы, примѣнительно къ климатическимъ и метереологическимъ условіямъ мѣстности, совершается въ разные дни;—но въ Глазовскомъ уѣздѣ никакъ не ранѣе Егорьева дня (23 апрѣля) и продолжается, смотря по мѣстности, отъ 1-го до 5 дней, причемъ нынѣ на другой день *Гэры-поттонъ*, обык-

повенно празднуется «*Э кэлянъ*», составляя тогда одинъ изъ дней акаишекъ.

Какъ только снѣгъ стаетъ въ поляхъ, а земля оттаетъ и провѣтрится, въ вотскихъ деревняхъ собираются сходки (*«кэнэши»*), на которыхъ обсуждается вопросъ: когда назначить «*Гэры поттонъ*»? и чаще всего (хотя и не всегда,—обязательно) днемъ для начала годичныхъ земледѣльческихъ работъ выбирается среда или суббота. И въ настоящемъ году, во всѣхъ деревняхъ праваго берега Чепцы и въ большинствѣ ближайшихъ къ городу деревень и селъ лѣваго берега,—*Гэры поттонъ* правился въ среду на Пасхѣ (27-го апрѣля); только въ немногихъ деревняхъ лѣваго берега, гдѣ всѣ акаишки были сбиты въ одинъ день, т. е. *Гэры-поттонъ*, *Э кэлянъ* и *Гэры сектанъ* праздновались въ одинъ день,—торжество происходило во вторникъ на Пасхѣ (26 апрѣля).

Замѣтимъ здѣсь кстати разъ навсегда, что наиболѣе содержательная обрядность при торжествѣ того или другого праздника признается нами наиболѣе древнѣйшею формою празднованія, такъ какъ, съ ежегодно усиливающимся распространеніемъ пониманія христіанства и грамотности,—древніе обряды замѣтно сокращаются и дѣлаются болѣе малосложными, пока не исчезаютъ совсѣмъ. Поэтому, хотя-бы болѣе сложный обрядъ сохра-

пился лишь въ $^1/_3$-й части всѣхъ вотскихъ селеній, находящихся въ Глазовскомъ уѣздѣ, и въ этомъ случаѣ мы считаемъ болѣе правильнымъ совершеніе обряда именно здѣсь, а иногда, для составленія полнаго описанія, даже сводимъ въ одну картину моменты празднованія, встрѣчаемые въ разныхъ волостяхъ, а не въ одномъ мѣстѣ.

Наканунѣ того дня, который назначенъ для *Гэры поттонъ*, совершается своимъ порядкомъ обычная предпраздничная баня и надѣваніе бѣлой одежды, послѣ чего старшіе въ домѣ, взявъ провизію, кумышку, пиво и какую-нибудь птицу (гуся, утку, рябчика или тетерева; а за неимѣніемъ птицъ кусокъ мяса; наконецъ за неимѣніемъ послѣдняго, молока) —отправляются въ «*дзэкъ-кваку*», гдѣ указаннымъ выше порядкомъ совершается варе-ніе каши и благословеніе хлѣба и питья. *Дзэкъ-попъ* читаетъ особую молитву, такъ наз. *Ю выжсылы*—(объ укорененіи сѣмени), послѣ чего совершается обрядъ *шыдъ-сіоп*.

Поѣвъ и выпивъ все принесенное, старики расходятся по домамъ, а тамъ, въ домашнихъ чумахъ, также идетъ моленіе, въ подобномъ же порядкѣ совершаемое, въ которомъ участвуютъ всѣ семейные извѣстнаго дома и которое совершаетъ «*почи-попъ*» (фамиліи—*корко-нимъ*). Когда кончится молитва въ домашнемъ чумѣ,—уже предъ вечеромъ стар-

шіе въ домѣ, захвативъ съ собою буракъ молока, а также хлѣба, соли и кумышки, отправляются къ «*восяськонни-чатча*» дѣлать обѣтъ, «*сизьконъ*», т. е. давать обѣщаніе Тріадѣ, Воршудамъ и духамъ воды и лѣса, что имъ будутъ приносимы своевременно въ жертву быки, бараны и т. п., если они помогутъ росту хлѣбовъ и здоровью людей и домашней скотины. Въ составъ обряда «*сизьконъ*» входитъ вареніе каши на молокѣ, но благословенія хлѣбовъ и обряда *шыдъ-сіона*— не бываетъ; только передъ ѣдою бросаютъ къ корнямъ елокъ по ложкѣ каши каждый изъ домохозяевъ (въ 3 пріема) прося облегченія трудовъ, здоровья и силы себѣ и домашнему скоту.

3. *Гэры-поттонъ* (отъ словъ *Гэры*—соха и *поттонъ*—вывозъ).

Въ самый день *Гэры-поттонъ*, съ ранняго утра, во всѣхъ домахъ хозяйки пекутъ и жарятъ, а хозяинъ дома идетъ опять въ свой чумъ и здѣсь молится, (что наз. повотски: «*квала яуськыны*», «заявляться въ чумъ»). Замѣтимъ кстати, что подобное моленіе домохозяина въ чумѣ бываетъ также во время рожденія ребенка въ семьѣ, передъ сговоромъ и передъ свадьбою и т. п. случаяхъ. Это, какъ-бы, визитъ Воршуду съ объявленіемъ о совершающемся событіи и за испрошеніемъ благословенія отъ Воршуда

предпринимаемому дѣлу или новому лицу. Въ *Гэры-поттонъ* домохозяинъ молится Вопиуду объ удачѣ посѣва, объ укорененіи и размноженіи сѣмени, о ниспосланіи и людямъ силы на приближающуюся страду. Послѣ этого запрягаютъ лошадей въ сохи и бороны и второстепенные работники дома выѣзжаютъ на назначенное поле начинать паппю подъ яровое. Однако, не каждый можетъ выѣхать первымъ на пашню: для этого въ каждой деревнѣ существуетъ особое лицо, «*счастливецъ*», (*шудо*) который или нѣсколько лѣтъ сподрядъ признавался наиболѣе счастливымъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, или же былъ выбранъ на «*кэнэшь*», предшествовавшемъ «*акаяшкамъ*» въ настоящемъ году. Этотъ «*шудо*» выѣзжаетъ первымъ на пашню до тѣхъ поръ, пока не случится какого-либо несчастья съ хлѣбами или почему-либо не окажется тяжелъ какой-либо актъ земледѣльческой работы (посѣвъ, жниво и т. п.). Въ противномъ случаѣ его смѣщаютъ и вмѣсто него выбираютъ другаго. Какъ только этотъ «*шудо*» покажется на улицѣ деревни съ сохою и бороною, сейчасъ-же начнутъ растворяться и ворота другихъ домовъ и оттуда также потянутся въ поле пахари и бороноволоки. Добравшись до своей полосы, каждый членъ отдѣльной семьи, сказавъ: «*Остэ, Инмаре!*», принимается пахать и не успѣетъ онъ вспа-

хать даже одного гона, какъ на поле выходятъ старшіе и младшіе, мужчины и женщины, несущіе съ собою различныя печенія, а также кумышку и пиво.

Тогда пахари и бороноволоки кончаютъ свою работу и присоединяются къ своимъ семьямъ, которыя останавливаются каждая у своей полосы. Тогда «*шудо*» надѣваетъ на себя «*сьльнищу*», (*кизенъ куды*), въ которую вмѣстѣ съ зернами у него, какъ и у всѣхъ хозяевъ, положено по десятку или нѣсколько болѣе яицъ, уже сваренныхъ и окрашенныхъ лукомъ въ желтый цвѣтъ,—и, обратясь лицомъ къ востоку, читаетъ вслухъ молитву о ниспосланіи урожая и о силѣ для работы. Все что дѣлаетъ «*шудо*», исполняютъ и другіе домохозяева. Кончивъ молитву, «*шудо*» концомъ кола отъ юсицы дѣлаетъ въ землѣ,—на межѣ своей полосы, довольно глубокую ямку, вливаетъ туда кумышки, кладетъ яйцо, а сверху зарываетъ все это землею, которую выравниваетъ и при этомъ приговариваетъ молитву Кылдысину, гдѣ проситъ, чтобы зерна сѣемаго хлѣба были величиною съ яйцо, а по самому цвѣту отъ полнаго созрѣванія сдѣлались-бы такими-же желтыми, какъ скорлупа на яйцѣ. Послѣ этого онъ вмѣстѣ съ прочими домохозяевами приступаетъ къ посѣву, причемъ захватываетъ въ горсть вмѣстѣ съ зернами и яйца, какъ-бы разсѣевал

и ихъ, а подростки или, за непмѣніемъ ихъ, женщины изъ семьи наперерывъ стараются схватить себѣ хоть одно яйцо изъ этихъ, выкинутыхъ на полосу, причемъ ребята поднимаютъ шумъ и сутолоку... Засѣявъ вспаханный участокъ, всѣ домохозяева удаляются къ своимъ семьямъ, гдѣ и начинается (послѣ молитвы) кутежъ. Сначала каждая семья угощается отдѣльно въ своей средѣ; затѣмъ собираются сосѣдствами въ 2—3 группы, а въ это время мальчики и парни выпрягаютъ лошадей изъ сохъ и боронъ, садятся на этихъ лошадей верхомъ и подъѣзжаютъ къ наиболѣе отстоящей отъ селенія кучкѣ сосѣдей. Когда они подъѣзжаютъ къ пирующимъ, то послѣдніе, стоя въ кучкѣ, встрѣчаютъ ихъ угощеніемъ, а парни становятся верхомъ на лошадяхъ вокругъ этой кучки, притомъ такъ, чтобы оставить свободные проходы въ своихъ рядахъ. Пѣсня, распѣваемая при этомъ, является нынѣ лишь наборомъ разныхъ словъ или фразъ, имѣющихъ мало смысла. Пѣлись ли въ древности какія-либо пѣсни со смысломъ, имѣющія отношеніе къ обряду, утвердительно сказать нельзя, такъ какъ въ настоящее время не только въ разныхъ селеніяхъ, но и въ одномъ и томъ-же селеніи въ разные годы, пѣсни эти не состоятъ изъ однихъ и тѣхъ-же словъ. Пропѣвши пѣсню съ одною кучкою и угостившись кумышкою, парни во

весь опоръ скачутъ къ другой группѣ, гдѣ повторяютъ то-же самое, пока не объѣдутъ всѣ группы, послѣ чего всѣ опрометью мчатся домой, гдѣ катаются нѣкоторое время по улицамъ. Въ волостяхъ Лудошурской и сосѣднихъ съ нею парни катаются не одни, но приглашаютъ съ собою кататься знакомыхъ дѣвушекъ, которыя для этого вскакиваютъ на лошадь сзади парня, придерживаются за него и такимъ образомъ разъѣзжаютъ вскачь отъ сосѣда къ сосѣду, гдѣ ихъ угощаютъ кумышкою и блинами.

Вскорѣ вслѣдъ за парнями являются въ деревню и старшіе и сейчасъ-же накрываютъ столы для «*шыдъ-сіона*», а «*почи-поты*» начинаютъ обходить дома для совершенія обряда «*шыдъ-сіона*». За неимѣніемъ костра въ избѣ часть хлѣба, кумышки и каши здѣсь бросается на очагъ, но вообще обрядъ совершается почти также, какъ онъ совершается и въ полѣ при жертвоприношеніи. На столѣ, накрытомъ скатертью, кладется хлѣбъ, остатки яичныхъ блиновъ и соль, а кромѣ того ставится пиво въ чашкѣ и кумышка въ нѣсколькихъ стаканахъ или рюмкахъ, причемъ число рюмокъ или стакановъ соотвѣтствуетъ числу сортовъ кумышки имѣющихся въ домѣ. А имѣются въ достаточномъ вотскомъ домѣ чаще всего такіе сорта, различающіеся между собою по крѣпости и степени очистки: 1) «*лимъ*

кумышка» —самое крѣпкое и наилучше очищенное вино, вродѣ спирта, которое пьется обыкновенно только сильно разбавленнымъ болѣе слабыми сортами кумышки и даже водою; 2) *«лэкъ-кумышка»* —злая кумышка; 3) *«дзэчъ - кумышка»* —хорошая кумышка; 4) *«шоръ - кумышка»* —средняя кумышка; 5) *«юонъ-кумышка»* —кумышка еще годная для питья; 6) *«нэбытъ-кумышка»* —мягкая кумышка весьма слабая и съ сильнымъ сивушнымъ запахомъ; наконецъ 7) *тямага*—никуда негодная кумышка, послѣдняго слива,—скорѣе вода съ отвратительнымъ сивушнымъ запахомъ;—этотъ сортъ отдается чаще всего дѣтямъ и на столъ не выставляется. При появленіи *почи-попа* въ сопровожденіи сосѣдей стряпуха накладываетъ въ большую чашку кашу съ наложенными въ нее кусками мяса, а одинъ кусокъ мяса (чаще всего кость ребра съ мясомъ на ней) кладетъ отдѣльно на особый хлѣбъ въ родѣ ярушника и ставитъ все на столъ ближе къ переднему углу, гдѣ сидитъ попъ и старшіе въ семьѣ, которые втыкаютъ съ боковъ чашки стоймя 3 ложки и упомянутое выше ребро. Затѣмъ попъ и два старшихъ члена семьи берутъ чашку съ кашей правою рукою, натянувъ къ пальцамъ рукава своей верхней одежды такъ, чтобы, придерживая чашку ладонью, не прикасаться къ ней обнаженною рукою.—Попъ начинаетъ

читать молитву и въ это время со стариками трижды поднимаетъ чашку въ уровень со своею головою и трижды снова опускаетъ ее на столъ. Послѣ того онъ, взявъ въ руки рюмку съ кумышкою и ложку съ кашею, выплескиваетъ кумышку и кашу на очагъ; затѣмъ беретъ ребро, часть отъ него отрѣзаетъ и бросаетъ на очагъ-же, затѣмъ выпиваетъ кумышки со словомъ: «*сябась!*», чѣмъ приглашаетъ выпить и присутствующихъ, откусываетъ самъ кусокъ мяса отъ ребра, кладетъ его на хлѣбъ и передаетъ женщинѣ, готовившей кашу, выпиваетъ снова кумышки а затѣмъ принимается за кашу; по его примѣру, выпиваютъ и приступаютъ къ кашѣ и прочіе гости и члены семьи. Попъ, съѣвши нѣсколько ложекъ, встаетъ, а вслѣдъ за нимъ поднимаются и старшіе въ домѣ, и сосѣди, пришедшіе съ попомъ, и всѣ вмѣстѣ переходятъ въ слѣдующій домъ, чтобы тѣмъ-же порядкомъ опять совершать обрядъ «*шыдъсіона*». И такъ продолжаютъ они переходить изъ дома въ домъ до глубокой ночи, распѣвая пѣсни и угощаясь кумышкою; а молодежь, послѣ ужина, выходитъ на болѣе сухое мѣсто подлѣ деревни *играть игры* («*шудонъ*», т. е. хороводы), которые продолжаются до полнаго разсвѣта.

4. На другой день *Гэры поттонъ*—(а въ тѣхъ случаяхъ, если на другой день празд-

нуется *Э кэлянъ*, то на третій день)—бываетъ четвертый древне-вотскій земледѣльческій праздникъ—*Гэры сектанъ* (чествованіе сохи). Мы не нашли данныхъ для того, чтобы точно судить, когда этотъ праздникъ совершался въ древности, но убѣждены, что онъ не былъ частью одного праздника *акаяшекъ*, а былъ отдѣльнымъ праздникомъ, совершавшимся, вѣроятно, уже по окончаніи пашни въ яровомъ полѣ. Если *Гэры поттонъ* былъ въ древности празднуемъ въ честь покровителя земли и земледѣлія, *Кылдысина*, и, можетъ быть даже въ честь самой матери земли (подъ названіемъ: *Кылдысинъ-Мумы*) то *Гэры сектанъ*, какъ кажется, былъ праздникомъ въ честь бога *Квазя*, бога вѣтровъ и дождей, бога, именемъ котораго понынѣ вотяки называютъ погоду.—Въ настоящее время *Гэры-сектанъ* справляется слѣдующимъ образомъ: отпустивъ съ утра на работу пахарей и бороноволоковъ, въ домахъ варятъ кашу, а къ полудню бабы, дѣвушки и парни несутъ работникамъ въ поле браги, пива и кумышки и, угостивъ своихъ работниковъ на своихъ полосахъ кумышкою, заставляютъ ребятишекъ выпрягать лошадей изъ сохъ и боронъ и вести ихъ въ деревню, оставляя земледѣльческія орудія на полѣ. Старшіе остаются послѣ ребятишекъ одни и продолжаютъ нѣкоторое время выпивать, причемъ, выпивая,

произносятъ молитву о томъ, чтобы земледѣльческія орудія не ломались во время работы, были бы легки на ходу, чтобы хлѣбъ посѣянный хорошенько укоренялся и разростался, погода способствовала-бы этому произрастанію, и чтобы люди производили работу безъ большой траты силы и безболѣзненно. Выпивъ старшіе идутъ въ деревню, а бабы и болѣе молодые отстаютъ отъ нихъ и взявъ «*соховозки*» (*гэры нуллонъ*,—колья, на которыхъ возятъ соху) подвѣшиваютъ ихъ на древесные сучки повыше отъ земли. Въ Люкскомъ приходѣ втаскиваютъ на елку цѣлую соху и тамъ прикрѣпляютъ ее веревками отъ той-же сохи. Такія подвѣшиванія не могутъ быть указаніемъ чего-либо иного, какъ того, что въ древности приносилась па *Гэры сектанъ* жертва «*Квазю*» не только изъ предметовъ пищи и питья, но и изъ земледѣльческихъ орудій.

Вообще, въ праздники: «*Э кэлянъ*», *Гэры поттонъ* и *Гэры сектанъ* вотяки совершаютъ моленія всѣмъ наиболѣе уважаемымъ въ древности божествамъ, притомъ каждому въ отдѣльности, а именно: 1) въ *Э кэлянъ*—жертва рѣкамъ и Ву-мурту; 2) наканунѣ *Гэры поттонъ*, въ *дзэкъ квалъ*,—жертва Инмару; 3) въ тотъ-же день и на другой день, въ домашнихъ чумахъ,—жертва и молитвы *Воршуду*; 4) въ тотъ-же день (т. е.

наканунѣ *Гэры поттонъ*) обѣты жертвъ всѣмъ божествамъ на будущее время; 5) въ самый день *Гэры поттонъ* жертвоприношеніе Кылдысипу на полѣ и 6) *шыдъ-сіонъ* въ избѣ въ честь его-же, предковъ (жертвою которымъ служатъ выносимые на задворки остатки ѣды) и Нюлэсъ-мурта (въ жертву которому кладутъ послѣ ѣды въ жолобъ яйцо, уносимое впослѣдствіи съ блинами въ *восясъ-конни чатча*. Эта жертва наз. *кутсконъ*— т. е. начало годичныхъ жертвъ). Наконецъ 7) въ *Гэры сектанъ* совершается жертва Квазю и религіозность вотяка на нѣкоторое время удовлетворяется.

Въ праздникъ акаяпекъ вотяки, какъ-бы желая набраться силами на предстоящій періодъ земледѣльческихъ работъ, усердно выпиваютъ, ѣдятъ и веселятся во всеночныхъ хороводахъ, которые, начинаясь съ этихъ поръ, продолжаются до *Дзекъ-Гербэра*, представляя своимъ содержаніемъ нѣчто подобное древне-славянскимъ *«игрищамъ между селами»* съ Ярилиными ночами и съ таинственными жертвами Ладу.

5. *Джечъ-лудъ дурэ* или *Озимь-дурэ* (что значитъ: «праздникъ на краю ржанаго поля» или «праздникъ на озими») справляется не въ одинъ какой-либо опредѣленный день, а по особому опредѣленію *«кэнэшп»*, когда озимой хлѣбъ дастъ первые признаки колоса,

или когда озимь выростутъ уже настолько высоко, что по полю нельзя пройти, не стоптавъ навсегда растительность.—Обыкновенно праздникъ этотъ совершается въ маѣ мѣсяцѣ, (во второй половинѣ) или въ началѣ іюня, что зависитъ отъ погоды. Судя по жертвоприношенію, этотъ праздникъ совершается въ честь Кылдысина, такъ какъ жертвою служитъ красный быкъ и кости зарываются въ землѣ, да и въ молитвѣ чаще упоминается Кылдысинъ; но если всходы озимыхъ хлѣбовъ рѣдки и низки, такъ что предвидится неурожай озими, то вмѣсто быка приносится въ жертву соловая лошадь и моленіе совершается уже нѣсколько въ иной формѣ.

Праздничный ритуалъ этого дня служитъ повтореніемъ ритуала празднованія «*Гуждора*», т. е. тоже обязательное мытье въ баняхъ; тѣже обряды «*Остэ-каронъ*» и «*Тау-каронъ*»; тотъ-же «*шыдъ-сіонъ*», сопровождаемый хорошею выпивкою. Особенности же ритуала этого дня состоятъ: 1) въ мѣстности, гдѣ совершается жертвоприношеніе, 2) въ принесеніи утки въ жертву у ключа или ручья («*чежъ-сіонъ*»), 3) въ содержаніи молитвы, читаемой при закланіи быка и во время «*Остэ-каронъ*», 4) въ обрызгиваніи водою присутствующихъ и 5) въ зарываніи въ землю костей.

Мѣстомъ совершенія жертвоприношенія

въ праздникъ «*Озимь дурэ*» служитъ та маленькая роща (*восяськонни чатча*), которая лежитъ въ озимомъ полѣ настоящаго года. Въ случаѣ, если въ этомъ мѣстѣ рощи нѣтъ, довольствуются какимъ-либо однимъ старымъ деревомъ, которыя у вотяковъ встрѣчаются на всѣхъ поляхъ, будучи оставляемы здѣсь и для тѣни въ жаркій день, и для сохраненія земледѣльческихъ орудій и колыбелекъ съ дѣтьми отъ дождя.

Обрядъ «*чежъ-сіона*» предшествуетъ принесенію въ жертву быка, будучи совершаемъ утромъ того самаго дня, тогда какъ принесеніе быка въ жертву совершается уже вечеромъ. Часовъ въ 7—8 утра представитель каждаго изъ домовъ деревни (обыкновенно старикъ, а въ случаѣ если старшимъ некогда, то и подростокъ, преимущественно мальчикъ, хотя изрѣдка бываютъ и дѣвочки, которыхъ старики всегда допускаютъ съ ворчаніемъ) отправляется къ разъ навсегда опредѣленному мѣсту близъ деревни, гдѣ вытекаетъ ключъ (*ошмесъ*), или протекаетъ маленькая рѣчка (*шуръ*) и которое носитъ названіе «*чежъ-сіонно*». Здѣсь, надъ самыми струями ключа или рѣчки закалывается дикая или домашняя утка, купленная на сборныя жертвенныя деньги и въ воды потока выпускается вся кровь птицы, бросаются голова, ноги и внутренности ея, а перья остаются на берегу,

оставаясь на долго яспымъ указаніемъ совершенія здѣсь *«чежъ-сіона»*. Такъ какъ здѣсь не присутствуютъ *«попы»* въ качествѣ обязательныхъ жертвоприносителей и могутъ явиться лишь случайно въ качествѣ представителя того или другаго дома; то заклапіе утки сопровождается лишь шептаніемъ тѣхъ молитвенныхъ фразъ, которыя каждому приходятъ въ это время на память. Затѣмъ утку варятъ въ небольшомъ котлѣ вмѣстѣ съ ячною крупою, а когда кашица уварится достаточно, то изъ котла выкладываютъ ее въ чашку, къ которой подходитъ каждый представитель семьи со своею ложкой. Захвативъ этою ложкой сколь можно больше кашицы, онъ отходитъ къ ручью и въ три пріема кидаетъ въ воду захваченное имъ количество кашицы, дѣлая такъ трижды, такъ что всего въ воду бросается 9 комковъ кашицы. Во время этого бросанія, всякій читаетъ вполголоса молитву, въ которой, помянувши тріаду и воршудовъ, призываетъ предковъ и проситъ у нихъ здоровья животнымъ, урожая хлѣбовъ и вообще избавленія отъ всякаго зла. Принеся жертву, всѣ садятся вокругъ котла и большой чашки и весьма скоро опустошаютъ ихъ содержимое, прикусывая отъ краюшки хлѣба, которую каждый обязательно приноситъ у себя за пазухой. Кумышки и пива при этомъ случаѣ вовсе не употребляется. По окончаніи ѣды

всякій береть свою шапку въ руки и подойдя къ костру, на которомъ варилась каша, описываетъ этою рукою надъ костромъ 3 горизонтальныхъ круга и произноситъ слова: *«шунытъ кіядъ-пыдадъ басьты»!* (что значитъ: *«возьми въ свои теплыя руки и ноги»*)!. Такимъ нагрѣваніемъ шапки и рукъ у огня, по мнѣнію вотяковъ, очищается человѣкъ и уничтожается то бѣдственное вліяніе его на другихъ, которое онъ долженъ былъ-бы иначе проявить (даже противъ своей воли) послѣ сообщенія съ *«Кутысемъ»* (духомъ ключей и рѣчекъ) и съ душами предковъ. Исполнивъ этотъ обрядъ очищенія, всѣ расходятся по домамъ, гдѣ въ это время идутъ уже суетливыя хлопоты приготовленія блиновъ и яичницъ къ вечернему моленію.

Особенности молитвъ, которыя читаются при жертвоприношеніи въ праздникъ *«Озимъ-дурэ»*, состоятъ: 1) въ указаніи разныхъ фазисовъ созрѣванія хлѣба, а 2) въ указаніи желаемаго количества хлѣба и размѣра выгодъ, которыя могутъ быть получены при его продажѣ. Въ одномъ изъ варіантовъ этой молитвы, читаемъ мы такое прошеніе: *«подайте намъ столько серебра, чтобы у насъ чашки и ложки, столы и стулья, лавки и кровати были серебрянныя!.... И да будутъ у насъ серебрянные конюшни и чумы, клѣти и самыя изгороди вокругъ конюшень и чу-*

мовъ!» Во время чтенія молитвы надъ кашею *«дзэкъ-попъ»* окропляетъ съ еловыхъ вѣтокъ водою какъ самую кашу съ мясомъ, такъ и всѣхъ присутствующихъ съ выставленными передъ каждою семьею припасами. Обмакнувъ вѣтку въ особую чашку съ водою, *«дзэкъ-попъ»* трижды кропитъ съ этой вѣтки окружающихъ его и это совершаетъ также 3 раза, всего дѣлая 3 обмакиванія вѣтки въ чашку и 9 разъ окропляя присутствующихъ. Этотъ обрядъ исполняется тотчасъ послѣ того, какъ въ котлахъ начали варить кашу и сначала 9 разъ окропляется котелъ, а затѣмъ столько же разъ окропляются и присутствующіе.

Между древне-вотскими жертвоприношеніями, сохранившими свои слѣды до настоящаго времени, обрядъ принесенія въ жертву соловой лошади встрѣчается едва-ли не единственный разъ на праздникѣ *«Озимъ дурэ»*, да и въ этомъ случаѣ онъ встрѣчается далеко не во всѣхъ волостяхъ, даже при однаковыхъ обстоятельствахъ, т. е. при видахъ на неурожай. Да и обряды, сопровождающіе это жертвоприношеніе, пынѣ едва-ли не спутаны съ другими обрядами, такъ какъ весьма близко напомнпаютъ собою обряды принесенія въ жертву быка...

Къ вечеру попоздпѣе, чѣмъ собираются на закланіе быка, сходятся однодеревенцы въ *«восяськонни чатча»*; также, какъ и въ

другое время, устраиваютъ столикъ для «*попа*» и устилаютъ землю въ извѣстныхъ мѣстахъ еловыми или пихтовыми сучьями; также валится животное на землю, но кровь алымъ фонтаномъ направляется лишь къ ногамъ попа, гдѣ и образуетъ большую лужу, въ костеръ же и въ котлы крови не пускаютъ. Во время варенія мяса также совершается обрядъ «*Осте-каронъ*»; лошадиная шкура во все продолженіе моленія вшитъ растянутая на особой жерди подлѣ «*попа*»; также совершается окропленіе присутствующихъ и ихъ съѣстныхъ припасовъ и даже въ заключеніе бываетъ также обрядъ «*Тау-каронъ*». Но въ молитвѣ, читаемой при закланіи лошади, уже не слышится того радостнаго чувства, которое возбуждаетъ фантазію вотяковъ, заставляя просить себѣ при закланіи быка серебряныхъ домовъ и изгородей.—Главное содержаніе этой молитвы составляетъ перечисленіе признаковъ, по которымъ составилось соображеніе о будущемъ неурожаѣ; далѣе въ ней напоминаются прежде приносимыя жертвы, указывается на то, что теперь приносится самая дорогая жертва, и испрашивается измѣненіе роста хлѣбовъ къ лучшему. Отъ жертвеннаго мяса не уносятъ домой кусковъ на долю отсутствующихъ при жертвоприношеніи, но всѣ оставшіеся куски, вмѣстѣ съ костями и шкурой, зарываются въ землю, (также какъ

зарываются въ землю и кости быка, приносимаго въ этотъ день).

Въ заключеніе замѣтимъ, что въ нѣкоторыхъ волостяхъ (напр. въ Гынинской) «*Озимъ-дурэ*» совершается дважды въ годъ, будучи отправляемъ второй разъ во второй половинѣ августа, послѣ посѣва озимыхъ хлѣбовъ.

6. Въ то время, когда русскіе украшаютъ свои дома и дворы березками, въ день Св. Троицы,—и вотяки Глазовскаго уѣзда (въ настоящее время) въ нѣкоторыхъ мѣстахъ празднуютъ еще шестой древне-вотскій земледѣльческій праздникъ, носящій названіе «*Кваръ-Восянъ*» ,—что значитъ: «*освященіе листьевъ*» (отъ «*кваръ*» —*листъ* и «*восяны*» —*освящать*, *благословлять*). Мы не можемъ дать подробной картины не только древняго жертвоприношенія въ этотъ день, но даже совершенія моленія въ настоящее время, такъ какъ получили свѣдѣнія о немъ лишь изъ одной (Юмской) волости.

Послѣ обязательной бани съ вечера, наканунѣ Троицына дня, убираютъ дворы и дома березками, какъ и у русскихъ [1]); съ утра одѣваются въ праздничныя одежды и, нерѣдко, сходивъ утромъ въ православную церковь, немного позднѣе полудня, захвативъ

---

[1]) Примѣчаніе. За послѣднее время этотъ обычай строго преслѣдуется сельской полиціей, а потому уже почти вездѣ вышелъ изъ употребленія.

съ собою живую утку или гуся, а также крупы, хлѣба, соли и кумышки,—идутъ въ лѣсъ и тамъ подъ однимъ изъ деревьевъ убиваютъ этихъ птицъ и варятъ изъ нихъ кашу, которую тутъ-же разъѣдаютъ. Есть-ли какія-либо особенности въ молитвахъ, читаемыхъ при варенiи каши, намъ неизвѣстно, а изъ обрядовъ извѣстно лишь то, что въ этотъ день считается грѣхомъ поставить чашку съ кашею прямо на землю или на столъ, но обязательно ставить её на кучку свѣжесорванныхъ листьевъ березы.

Въ древности праздникъ «*Кваръ-восянъ*», повидимому, былъ посвященъ *Квазю*, въ области котораго (т. е. между небомъ и землею) распускались древесные листья. Самое то обстоятельство, что подстилаются подъ чашку съ кашею именно березовые листья, указываетъ на отношенiе моленiя исключительно къ Квазю, которому береза была посвящена.

Наконецъ, назначенiе жертвы Квазю въ этотъ день доказывается самою сущностью жертвы, которая состоитъ не изъ животныхъ, а изъ птицъ.

7. Быть можетъ въ древности «*Кваръ-восянъ*» (какъ *Акиягика* и *Дзэкъ-гербэръ*) состоялъ изъ нѣсколькихъ дней, изъ которыхъ первый посвященъ былъ собственно *Квазю*, второй—богу грома, а третiй богу лѣсовъ т. е. «*Пюлэсъ-мурту*»; въ настоящее же

время эти праздники нерѣдко раздѣляются одинъ отъ другаго большимъ или меньшимъ промежуткомъ времени.

Седьмымъ земледѣльческимъ праздникомъ можно считать, празднуемый на другой день Троицына дня, «*Музьемъ имининкъ*», т. е. *земля имянинница*, или «*Гудыры имининкъ*» —*громъ имянинникъ*; но въ этотъ праздникъ въ настоящее время не совершается уже никакихъ особыхъ моленій и дѣло ограничивается тѣмъ, что никто не выходитъ на работу а, оставаясь дома, нѣсколько послаще съѣсть и нѣсколько побольше выпьетъ, чѣмъ въ дни обыкновенные. Самыя повѣрья, соединенныя съ этимъ днемъ, весьма сходны у вотяковъ съ русскими: 1) вслѣдствіе того, что земля имянинница, въ этотъ день не только нельзя производить какую-либо земельную работу или вколачивать въ землю колья, но даже нельзя играть пескомъ или чертить по поверхности земли какіе-либо узоры; 2) вслѣдствіе того, что имянинникъ громъ,— нельзя производить шума; особенно стараются воздерживаться отъ громкаго стука, катанья чего-либо тяжелаго и даже отъ громкой ѣзды по мосту или по чему-либо другому; 3) если въ этотъ день загремитъ громъ, то многіе ложатся спиною на землю и катаются по послѣдней, нерѣдко не разбирая сухо или мокро на ней,—и это дѣлаютъ съ цѣлью

предохранить въ теченіе круглаго года отъ болѣзни свои поясницы.

О праздникѣ «*Нюлэсъ нимапникъ*», какъ о скотоводческомъ, будетъ говорпться въ своемъ мѣстѣ; а въ настоящее время перейдемъ къ восьмому земледѣльческому празднику вотяковъ «*Дзэкъ-гэрбэру*».

8. Нынѣ праздникъ «*Дзэкъ-гэрбэръ*» совпадаетъ съ христіанскимъ праздникомъ Св. Петра и Павла (29 іюпя), но совпадалъ-ли онъ прежде, этого сказать нельзя. Во всякомъ случаѣ этотъ праздникъ доставлялъ вотякамъ отдыхъ послѣ пашни и посѣва яроваго и передъ началомъ сѣнокосной страды. Праздникъ этотъ подъ общимъ пазваніемъ «*Дзэкъгэрбэра*» занимаетъ до 4 дней и сопровождается каждый день различными обрядами, соотвѣтственно съ тѣмъ, чему посвященъ этотъ день; начинается онъ обыкповепно еще съ вечера 28 числа.

Еще за недѣлю и ранѣе до этого праздпика, по логамъ и оврагамъ, окружающимъ вотскія поселенія, на берегахъ ручьевъ и рѣчекъ, уже дымятся паскоро построенные шалаши (по мѣстному: *балаганы*), гдѣ идетъ оживленпая варка кумышки,—чѣмъ занимаются молодыя бабы и дѣвушки, а старухи въ это же время приготовляютъ пиво въ избахъ. Утромъ 28-го числа, вымывшись въ баняхъ,—хозяйки начинаютъ печь яичницы и

блины, а къ вечеру представители семей идутъ въ *дзэкъ-кваду* съ приготовленными припасами и съ кускомъ мяса (иногда даже вяленаго) и обычнымъ порядкомъ разъѣдаютъ здѣсь кашу,—причемъ *дзэкъ-тотомъ* читается молитва объ избавленіи отъ града, червя, пожара и сильныхъ вѣтровъ,—а также о ниспосланіи силы, ловкости и здоровья въ предстоящій сѣнокосъ. Такъ какъ сюда приносится и молоко, то, по всей вѣроятности, по окончаніи обряда *шыдъ-сіона*, совершается еще обрядъ *сизькона*, т. е. пропзнесеніе обѣта, соединенное съ разъѣданіемъ молочной каши, какъ онъ описанъ у насъ раньше.

Въ самый день 29 числа, въ обѣденное время, *дзэкъ* и *почи поны*, сопровождаемые сосѣдями, обходятъ въ послѣдовательномъ порядкѣ всѣ избы, совершая обрядъ *шыдъ-сіона*, подробно описанный намп въ праздникѣ «*Гэры поттонъ*». Само собою разумѣется, что молитва, читаемая на *шыдъ-сіонѣ* въ «*Дзэкъ-гэрбэръ*» —нѣсколько отлична отъ молитвы въ «*Гэры-поттонъ*». Пиршество-же, начинающееся *шыдъ-сіономъ*, продолжается до поздней ночи, а на улицахъ послѣдніе хороводы продолжаются далеко за восходъ солнышка утромъ 30 числа.

Утромъ 30 числа хозяйки снова стряпаютъ блины и яичницу къ моленію этого дня, которое носитъ названіе «*джэгъ утчанъ*»

т. е. *смотрины ржи*, или «*джэгъ сектанъ*» —*чествованіе ржи*. Въ «*восяськонни-чатча*» въ озимомъ полѣ собирается все населеніе деревни отъ мала до велика съ съѣстными припасами, пивомъ и кумышкою, и здѣсь совершается обрядъ «*Остэ-каронъ*», который уже описанъ нами ранѣе, съ тѣмъ отличіемъ, что 1) не раскладывается костра, а поэтому не дѣлается возліяній, а 2) самое благословеніе хлѣбовъ состоитъ лишь въ томъ, что *дзэкъ-попъ* надъ чашкою сборной кумышки и пива, читаетъ молитву общую для всѣхъ, а не каждому отдѣльному домохозяину. Во время моленія всѣ стоятъ лицомъ на востокъ, причемъ мужчины въ шапкахъ стоятъ непосредственно за попомъ, а сзади ихъ женщины и дѣти. Выпивъ и закусивъ прилично, возвращаются отсюда съ пѣснями домой, чтобы пораньше встать утромъ слѣдующаго дня.

Этотъ день, посвященный вязанію вѣниковъ и называющійся поэтому «*веникъ ваенъ*», начинается очень рано.—Еще до свѣту, нерѣдко въ 1 часъ ночи, накрывается столъ чистою скатертью, на которой ставится горшокъ съ масломъ и кладется коровай хлѣба и соль, послѣ чего старшій въ домѣ, отрѣзавъ краюшку хлѣба и намазавъ ее масломъ и посоливъ, надѣваетъ на себя шапку и начинаетъ молитву, въ которой просятъ благополучнаго окончанія начинающихся работъ,

а также о томъ, чтобы хлѣбъ былъ колосистъ и зернистъ. Прочитавъ эту молитву, онъ отвѣдываетъ хлѣба самъ и даетъ по части каждому изъ присутствующихъ,—сначала мужчинамъ, потомъ женщинамъ и дѣтямъ. Если въ семьѣ много народу, то стараются, чтобы на долю мужчинъ хватило первой краюшки;—для женщинъ-же и дѣтей отрѣзываютъ еще толстый ломоть отъ коровая, который и раздѣляется между ними безъ особой молитвы. Поотвѣдавъ такимъ образомъ хлѣба съ масломъ,—всѣ, семьями, идутъ рѣзать и вязать вѣники въ ближайшую березовую, а иногда даже—осиновую рощу (гдѣ нѣтъ березъ). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существуетъ повѣрье, что не слѣдуетъ рѣзать вѣники подлѣ полей, остававшихся въ этомъ году подъ паромъ, потому что отъ такихъ вѣниковъ заводится въ семьяхъ чесотка.—Вѣники вяжутся не для подметанія комнатъ (для чего употребляются пихтовые и еловые вѣники), но для паренья въ баняхъ и для корма новорожденныхъ ягнятъ, (которые будто-бы лучше ростутъ и развиваются, будучи откармливаемы, хотя и засохшими листьями березы; но гдѣ есть липа, то на вѣники для ягнятъ предпочитаютъ вѣтви этого дерева). Мужчины обыкновенно выбираютъ и обрѣзываютъ вѣтви, а женщины и дѣти занимаются ихъ связываніемъ. Среднимъ числомъ на каж-

даго взрослаго члена семьи навязываютъ до 10-ти паръ вѣниковъ банныхъ, а вѣниковъ для ягнятъ навязываютъ по числу имѣющихся въ семьѣ овецъ.

Навязавъ вѣниковъ, часамъ къ 7-ми утра возвращаются домой, гдѣ сейчасъ-же затопляются печи и хозяйки начинаютъ жарить «*табани*» (родъ толстыхъ блиновъ или лепешекъ), которые въ этотъ день считаются обязательнымъ кушаньемъ. Является на столъ кумышка и празднество оканчивается праздничной выпивкой, которая длится до самой ночи. Въ этотъ день работать уже не выходятъ да и въ слѣдующій день (2 іюля) работаютъ немного, такъ какъ этотъ день самъ по себѣ является девятымъ земледѣльческимъ торжествомъ, посвященнымъ памяти предковъ и называемымъ «*кусо азьэ виро*», что значитъ «*поминовеніе предковъ предъ сѣнокосомъ*».

9. Утромъ этого дня на сѣнокосъ выходятъ не всѣ и дома остается кто-либо изъ мужчинъ и кто-либо изъ женщинъ. Принеся въ чумъ зеленыхъ вѣтокъ (чаще всего еловыхъ или пихтовыхъ, но иногда березовыхъ) оставшійся дома мужчина, около полудня, устраиваетъ изъ этихъ вѣтокъ родъ ковра между входомъ въ чумъ и очагомъ, на которомъ кипитъ вода, назначенная для варенія мяса.— Затѣмъ сюда приводится барапъ сѣраго или темнаго цвѣта, котораго, сдѣлавши воззваніе

тріадѣ и воршуду. мущина и зарѣзаетъ на ковръ изъ вѣтокъ, выпуская кровь изъ него между очагомъ и ковромъ въ землю. Прежде чѣмъ снять шкуру, онъ, послѣ перваго надрѣза шкуры на груди, три раза посыпаетъ солью обнаружившееся мясо съ пожеланіемъ, чтобы мясо оказалось вкуснѣе, а снявши всю шкуру, отдѣляетъ извѣстную часть барана (смотря по численности семьи) на сегодняшнее варево и выноситъ остальное мясо въ погребъ для сбереженія на слѣдующіе дни. Зарѣзавъ барана и отдѣливъ отъ него часть для варева, мужикъ отправляется на сѣнокосъ, самымъ своимъ появленіемъ возвѣщая, что каша будетъ скоро готова, и, слѣдовательно, пора кончать работу, а остающаяся дома баба наблюдаетъ за варкою мяса и когда оно достаточно уварится, то вынимаетъ его изъ котла въ большую деревянную чашку, которую накрываетъ другою подобною деревянною же чашкою, а въ котелъ засыпаетъ крупу. Когда семья вернется съ сѣнокоса, она приходитъ въ чумъ и разсаживается за 2-мя столами, изъ которыхъ одинъ стоитъ подлѣ входа, а другой по другую сторону костра, —начинаясь отъ угла, въ которомъ стоитъ воршудный коробъ. Подлѣ послѣдняго садятся мужчины, а за первымъ женщины, а передъ тѣми и другими на столѣ кладется хлѣбъ, соль и ставится масло; ложекъ-же на столы

кладется столько, сколько ихъ есть въ домѣ, причемъ ложки лишнія противъ числа наличныхъ членовъ семьи предназначаются для невидимаго употребленія ихъ предками. На каждый столъ ставится по довольно большой мискѣ съ кашею, въ серединѣ которой дѣлается углубленіе, наполняемое масломъ, а вокругъ чашки кладутся небольшіе куски мяса по числу наличныхъ ѣдоковъ и за этими кусками втыкаются въ чашку 4 ложки, внутренней своею стороною обращенныя къ срединѣ чашки. Послѣ этого старшій въ домѣ и слѣдующій за нимъ надѣваютъ на себя шапки, встаютъ на своемъ мѣстѣ и старшій въ домѣ, взявъ въ руки зеленую вѣтку, [1]) начинаетъ читать молитву, по содержанію сходную съ молитвами *Дзэкъ-гэрбэра*. Во время чтенія этой молитвы старшій въ семьѣ и слѣдующій за нимъ, придерживая пальцами правый рукавъ суклеана, поднимаютъ этою рукою чашку три раза до высоты головы; за женскимъ же столомъ каши не поднимаютъ.— Окончивъ молитву, старшій беретъ въ руки рюмку съ кумышкою и говоритъ: *Сябась, Инмарэ, Кылдысинэ, Квазэ, воршудэ Удья!*

---

[1]) **Примѣчаніе.** Хотя и не вездѣ, но въ большинствѣ мѣстностей Глазовскаго уѣзда, зеленая вѣтка (березовая или еловая) берется всякимъ читающимъ вслухъ молитву, будетъ-ли это просто старшій въ родѣ, въ домашнемъ чумѣ или избѣ, или *«дзэкъ пона»*, въ общественномъ чумѣ, или въ молитвенной рощѣ, или на полѣ.

Ти-но уажкалаесъ, айесъ, мумыесъ, нюнаесъ, пиналъесъ,—вичякъ-ти чочъ лыктэ-лэ сіыны, —юыны,—сябасэ! Тилед-но пиналъесъ, вичакъ ти-лы, сябасъ! т. е. «будьте здоровы,» о Инмаръ, Кылдысинъ, Квазь, ворпудъ Удья! И вы прежде жившіе отцы, матери, дяди и дѣти, всѣ вмѣстѣ приходите ѣсть—пить и будьте здоровы! И вы также, дѣти мои, всѣ будьте здоровы»! Послѣднее говорится уже по отношенію къ присутствующимъ, послѣ чего всѣ выпиваютъ свои рюмки, а затѣмъ приступаютъ къ яденію каши, причемъ 4 ложки, воткнутыя въ кашу, достаются старшимъ въ домѣ. По окончаніи же стола, когда въ чумѣ остается лишь стряпуха и старшій въ семьѣ, они собираютъ всѣ оставшіяся кости, а равно и кашу въ какую-нибудь старую изношенную чашку и мужикъ относитъ все это куда-нибудь въ уголъ за чумъ, гдѣ все и поѣдается собаками. Чѣмъ скорѣе будутъ съѣдены эти остатки собаками до чиста, тѣмъ угоднѣе предкамъ была принесенная жертва и тѣмъ лучше чувствуютъ они себя теперь на томъ свѣтѣ; но особенно бываютъ рады вотяки, когда изъ за этихъ выброшенныхъ остатковъ, начинается между собаками грызня, такъ какъ это доказываетъ, по ихъ мнѣнію,—что покойники наслаждаются полнымъ счастьемъ.

Въ настоящее время въ большинствѣ се-

леній праздникъ этотъ причисляется къ «*Дзэкъ-гэрбэру*», составляя пятый день молепій въ этотъ праздникъ. Кому посвящались въ древности эти моленія, вотъ вопросъ, который вполнѣ утвердительно рѣшить мудрено. Мы думаемъ, что 28-го вечеромъ молепіе совершается воршуду рода; затѣмъ, на другой день (29 числа)—частный «*шыдъ-сіонъ*» всѣмъ богамъ и полубогамъ; 30 числа на полѣ,—моленіе вотской тріадѣ; 1 іюля молепіе воршуду семьи, подобное тому, которое мы называемъ бытовымъ моленіемъ, т. е. молепіемъ совершающимся по поводу какого-нибудь случая въ жизни отдѣльной семьи (родинъ, свадьбы и т. п.). Наконецъ, 2 іюля, если этотъ день считать относящимся къ *Дзэкъ-гэрбэру*,—помиповеніе предковъ. Припомнимъ, что нѣсколько сходенъ съ такимъ распредѣленіемъ молепій *Дзэкъ-гэрбэра* и ритуалъ моленія на *Акаяшкахъ*.

Сходенъ *Дзэкъ-гэрбэръ* съ *Акаяшкой* и въ томъ, что хотя въ большинствѣ случаевъ онъ падаетъ на точныя числа извѣстныхъ мѣсяцевъ, (а именно съ 28-го іюня по 2 іюля) однако если трава созрѣла почему-либо много раньше, или благодаря жаркому лѣту предвидится ранняя жатва озими,—то и молепіе *Дзэкъ-гэрбэра* начинается ранѣе, а праздникъ «*кусо азьэ виро*» иногда празднуется вечеромъ того дня, утромъ котораго бываетъ

Вставка на страницѣ 77-й послѣ первыхъ 3-хъ строкъ.

10. Сѣнокосъ занимаетъ у вотяка недѣли $2^1/_2$ или 3, а затѣмъ отъ сѣнокоса онъ переходитъ къ жнитву въ озимомъ полѣ и этотъ переходъ отмѣчаетъ праздникомъ «*Ночи-гэрбэръ*», что въ буквальномъ переводѣ значитъ: «*послѣ малой страды*». Праздникъ этотъ, какъ и «*Дзэкъ гэрбэръ*», болѣе пріурочивается не къ опредѣленному дню, а лишь къ опредѣленному моменту земледѣльческихъ работъ; но чаще всего онъ совершается 19 или 20 іюля, а случайная близость этого языческаго праздника къ христіанскому празднованію памяти Св. Ильи пророка заставляетъ нынѣшнихъ вотяковъ переносить свое языческое празднованіе именно на день этого христіанскаго святаго.

Сохранившійся слѣдъ древняго ритуала состоитъ изъ «*шыдъ-сіона*», для котораго каждымъ старшимъ въ домѣ закалается въ чумѣ и въ порядкѣ, указанномъ при описаніи предыдущаго праздника, бѣлый баранъ, кости котораго собираются и при случаѣ уносятся въ лѣсъ, гдѣ и сожигаются. Выборъ жертвеннаго животнаго и сожженіе костей указываютъ на то, что въ древности этотъ праздникъ посвященъ былъ «*Инмару*», хотя въ молитвѣ читаемой «*ночи-тотомъ*» (пли

старшимъ въ домѣ) и встрѣчается обращеніе не только къ Инмару, но,—какъ обыкновенно, ко всей тріадѣ и воршуду. Въ этой молитвѣ высказывается благодарность за удачно оконченный сѣнокосъ и возносится молитва о столь-же удачномъ окончаніи поступающаго жнива. Характерною особенностью молитвы этого «*шыдъ-сіона*» можно считать прошеніе о размноженіи родни и потомства «*отъ верховьевъ Четцы, до устьевъ ея*».

Вслѣдствіе того, что хлѣбъ на поляхъ ждетъ уже давно своей уборки, вотяку нельзя отдѣлить на этотъ праздникъ нѣсколькихъ дней, и покутивши одинъ день, онъ на другой уже приступаетъ къ жнину. Впрочемъ, *Ночи-гэрбэръ* весьма часто справляется на другой день праздника «*Ву-мурту*» — «*Чюпчидурэ*» —и такимъ образомъ кутять все-таки не одинъ, а два дня.

«*Веникъ ваенъ*». Въ послѣднемъ случаѣ послѣ полудня выходятъ на сѣнокосъ и возвращаются часамъ къ 6 вечера.

Не успѣетъ вотякъ окончить жниво въ яровомъ полѣ, какъ у него является новая забота: пора готовить пашню и сѣять озимый хлѣбъ на будущій годъ и хотя теперь не вездѣ этому акту предшествуетъ жертвоприношеніе,—но въ древности, когда земледѣльческія тревоги и упованія были сильнѣе,—разумѣется,—всѣ вотяки считали одинаково нужнымъ просить боговъ о покровительствѣ имъ въ новомъ періодѣ земледѣльческихъ работъ. Это моленіе, подобно весеннему празднику на озимомъ полѣ,—называется «*Озимь-дурэ*» и исчезаетъ нынѣ, какъ отдѣльный праздникъ, сливаясь съ предшествующимъ ему праздникомъ «*Почи-гэрбэра*», за которымъ осеннее «*озимь-дурэ*» слѣдуетъ иногда не далѣе какъ черезъ двѣ недѣли.—Праздникъ осенняго «*Озимь-дурэ*»,—какъ и прочіе праздники, не можетъ быть пріуроченъ къ опредѣленному дню и совершеніе его зависитъ вполнѣ отъ того времени, когда является необходимость начать озимые посѣвы. Пашня вспахана; посѣвъ завтра долженъ кончиться. И вотъ топится баня,—а съ утра заготовляются табани и яичницы,—захватывается утка (а если семья большая, то и нѣсколько утокъ, и даже баранъ) и,—около времени обѣда,—

выходятъ на поле всѣ семьи и здѣсь,—по окончаніи посѣва,—расположившись на своей полосѣ, каждый старшій въ домѣ со своими домочадцами читаетъ молитву, въ которой проситъ о ниспосланіи урожая посѣянному хлѣбу и обѣщаетъ, если хлѣбъ взойдетъ хорошо и если не будетъ червей въ нынѣшнемъ-же году принести другую,—большую,—благодарственную жертву. Послѣ этой молитвы,—онъ закалаетъ принесенныхъ съ собою птицъ или животныхъ,—причемъ кровь ихъ выпускаетъ прямо на полосу,—послѣ чего всѣ уходятъ домой, гдѣ съ обрядами, нами указанными нѣсколько разъ выше, варятъ кашу и совершаютъ обрядъ «*шыдъсіона*»,—при участіи «*почи-поповъ*» и сосѣдей, переходящихъ изъ дома въ домъ.—Въ виду того, что праздникъ этотъ правится далеко не повсемѣстно въ Елазовскомъ уѣздѣ (гдѣ нынѣ онъ часто соединяется то съ «*Почи-гэрбэромъ*», то съ «*Сизилъ-курбономъ*»)—мы не считали этого праздника за отдѣльный праздникъ,—а потому

11. одинадцатымъ праздникомъ у насъ и обозначается слѣдующій за осеннимъ «*Озимь-дурэ*» праздникъ, извѣстный подъ названіемъ: «*Инмаръ-лы курбонъ*» что значитъ «*жертва Инмару*», или «*Сизилъ-курбонъ*»—что значитъ: «*осенняя жертва*». Этотъ праздникъ—благодарственная жертва Инмару (а, можетъ

быть, вмѣстѣ и Воршудамъ), приносимая по окончаніи всѣхъ годичныхъ земледѣльческихъ работъ на полѣ, когда какъ озимой, такъ и яровой хлѣбъ сжатъ, просушенъ на юсицахъ и сложенъ въ кладухи подлѣ овиновъ,—а озимые слѣдующаго года покрыли, точно дерномъ, отдохнувшіе подъ паромъ поля. Этотъ праздникъ бываетъ приблизительно въ послѣднихъ числахъ сентября, а иногда и позднѣе,—но очень рѣдко раньше, какъ это было въ настоящемъ 1888 г., когда въ Глазовскомъ уѣздѣ въ большинствѣ селеній праваго берега Чепцы,—успѣли кончить земельныя работы такъ рано,—что «*Сизилъ-курбонъ*» праздновался въ первыхъ числахъ сентября. Въ этотъ праздникъ не бываетъ общественаго жертвоприношенія;—по каждая семья устраиваетъ свой «*шыдъ-сіонъ*» и непремѣнно уже въ избѣ,—а не въ чумѣ. Въ жертву приносится бѣлый баранъ, кровь изъ котораго,—или,—по крайней мѣрѣ,—часть крови выливается на очагъ,—а послѣ жертвоприношенія кости тщательно собираются и впослѣдствіи сожигаются. Особыхъ какихъ-либо обрядовъ при совершеніи закланія и варенія мяса—не бываетъ и все совершается по тому порядку, который уже нами ранѣе описанъ,—а въ молитвѣ, которую читаетъ старшій въ родѣ или «*почи-попъ*», послѣ указанія, что эта жертва приносится по обѣту, испраши-

вается у боговъ благосостояніе домашнимъ животнымъ,—силы на предстоящую молотьбу, успѣшные результаты молотьбы и вообще зажиточность и богатство въ домѣ. Обращая вниманіе на то, что варенье и съѣданье барана совершается непремѣнно въ избѣ, а не въ чумѣ,—можно думать, что «*Сизилъ-курбонъ*» былъ нѣкогда и моленіемъ, освящающимъ переходъ изъ просторныхъ лѣтнихъ квартиръ—(чумовъ и клѣтей) въ болѣе тѣсныя зимнія квартиры—(въ избы).

12. О слѣдующемъ двѣнадцатомъ праздникѣ, называемомъ «*Пужъимъ улэ курбонъ*», —что значитъ «*жертва подъ сосною*»,—въ настоящее время мы не могли собрать уже и подробныхъ преданій. Въ настоящее время эта жертва и совершается уже въ чумахъ (семейныхъ), а не въ лѣсу, на открытомъ воздухѣ, какъ указываетъ самое названіе праздника. Почитаніе большихъ сосенъ, какъ мѣстъ, гдѣ особенно часто присутствуютъ божества,—это весьма обыкновенное явленіе у Вотяковъ, даже до настоящаго времени.— Въ маѣ 1888 г., во время моихъ археологическихъ изслѣдованій въ Гынской волости,— мнѣ была указана недалеко отъ одного стараго могильника, въ полѣ дер. Лудьягской,— сосна, пользовавшаяся особымъ уваженіемъ мѣстныхъ жителей, которые боялись безъ нужды даже близко подходить къ этой соснѣ,

—такъ какъ подъ нею жилъ чрезвычайно злой *«кутысь»*. Въ случаѣ особенно сильныхъ болѣзней сюда приходили ночью кто-либо изъ членовъ семьи больнаго или *«почи-попы»* и (при свѣтѣ самодѣльныхъ восковыхъ свѣчъ, которыя они прилѣпляли къ стволу и сучьямъ) —приносили въ жертву *«бьлокъ»* (?) и капу, чаще всего въ желѣзныхъ ковшахъ, которые бросались тутъ-же. Вообще для спасенія отъ этого кутыся,—признавалось нужнымъ бросить къ корнямъ сосны какую-нибудь желѣзную вещь,—обломокъ косы, серпа, ножъ,—даже обрывокъ цѣпи и такихъ вещей нами была найдена подлѣ сосны порядочная кучка. Интересно, что въ іюлѣ мѣсяцѣ этой сосны я уже не засталъ: одинъ изъ мѣстныхъ крестьянъ вздумалъ ею воспользоваться и срубилъ её, послѣ чего вскорѣ помѣшался и увезенъ въ Вятскую больницу.... На существованіе другой уважаемой сосны, подъ которой приносились разныя жертвы, указывали намъ въ др. Умской Лудошурской вол.: здѣсь подъ сосной совершались, обыкновенно, всѣ жертвоприношенія, какъ и въ *«дзэкъ-квиль»*; —но сосна эта была срублена Глазовскимъ миссіонеромъ о. протоіереемъ Стефановымъ. Кому и съ какими обрядами приносилась жертва въ день *«Нужымъ-улэ»*,—сказать трудно;—но что эта жертва имѣла весьма важное значеніе въ глазахъ вотяковъ,—это

доказывается уже тою самою неохотою, съ которою объ ней говорятъ старики. Можно думать, что эта жертва приносилась или предкамъ,—или злымъ божествамъ.—Нынѣ она состоитъ лишь въ закланіи сѣраго или пестраго барана,—при обыкновенномъ обрядѣ «*шыдъ-сіона*» и совершается черезъ недѣлю или полторы послѣ «*Сизилъ-курбона*», очень кстати,—въ то время, когда доѣдены остатки барана, заколотаго при «*Сизилъ-курбонѣ*».

13. Хлѣбъ у вотяка, остававшійся отъ прошлаго года, съѣденъ весь, но за то на яровомъ полѣ налились и пожелтѣли колосья ячменя. Дни стоятъ теплые, свѣтлые и пользуясь ими вотякъ выкипаетъ свой ячмень, кое-какъ просушиваетъ его на печкѣ, а къ вечеру разметаетъ подлѣ воротъ своей избы на улицѣ площадку, замѣняющую для него токъ. Здѣсь обмолотитъ онъ нѣсколько мѣръ новаго ячменя, свозитъ его на мельницу и, получивъ свѣжую муку и крупу,—устраиваетъ семейный праздникъ, который называется «*Выль джукъ*»,—«*новая каша*». Не много обрядовъ соединено съ этимъ праздникомъ! Въ день этого праздника, утромъ, хозяинъ рѣжетъ барана, большею частью сѣраго цвѣта, и посылаетъ къ своимъ сосѣдямъ приглашеніе придти къ нему на новую кашу. Особенно старается онъ заманить того человѣка, который считается въ деревнѣ са-

мымъ счастливымъ (*«шудо»*). Въ прежнее время, какъ кажется, при варенiи каши въ котелъ вмѣстѣ съ крупою опускались цѣлые колосья свѣжаго ячменя, да и нынѣ кое-гдѣ колосьями еще убираютъ нѣкоторые большую чашку съ кашею, подаваемую на столъ. Передъ вечеромъ является *«почи-попъ»* съ сосѣдями, садится въ переднемъ углу, и, по обыкновенiю, когда будетъ подана каша, прочитываетъ извѣстную молитву и дѣлаетъ узаконенныя возлiянiе кумышки и прiношенiе каши на очагъ, какъ обыкновенно бываетъ при *«шыдъ-сiонахъ»*. Въ молитвѣ своей *«попъ»* проситъ, чтобы на хлѣбъ не нападалъ червякъ или мыши,—чтобы его не спалило пожаромъ, —не развѣяло вѣтрами,—чтобы у людей хватило силы докончить молотьбу и чтобы Богъ послалъ спороспи при умолотѣ.—Послѣ *«почипопа»* вторымъ ѣстъ кашу и пьетъ кумышку не домохозяинъ, а— *«шудо»*, который участвуетъ и въ подниманiи чашки съ кашею по ритуалу. Такъ какъ нужда въ ячменной крупѣ не для всѣхъ домовъ настаетъ одновременно;—то и *«Выль джукъ»* разными домами можетъ праздноваться въ разное время, почему иногда,—если другихъ домовъ нѣтъ, —празднуютъ до глубокой ночи въ одномъ домѣ; если-же въ одной деревнѣ *«Выль джукъ»* празднуется заразъ въ нѣсколькихъ домахъ,—то изъ одного дома *«почи-попъ»* и

«*шудо*» съ сосѣдями переходятъ въ слѣдующій домъ, не останавливаясь надолго въ одномъ и томъ-же мѣстѣ.

Въ честь какого божества приносилась жертва въ древности въ этотъ день,—сказать весьма затруднительно;—только нѣкоторые предположительные намеки стариковъ заставляютъ насъ допустить предположеніе, что это былъ праздникъ съ благодарственною жертвою богу «*Квазю*», тѣмъ болѣе, что 1) и Инмарь, и Кылдысинъ имѣютъ по 3 жертвы въ году (весною, лѣтомъ и осенью),—а Квазь, если не приписать ему этого праздника,—не будетъ имѣть осенней жертвы; 2) въ молитвѣ «*почи-попа*» выражается благодарность за хорошую погоду во время кончающихся работъ и испрашивается такая-же погода впредь до окончанія молотьбы;—а кому объ этомъ молиться, какъ не Квазю? 3) Самое украшеніе каши колосьями, по нашему мнѣнію, имѣетъ нѣкоторое соотвѣтствіе съ обрядомъ «*Кварь-восянь*», когда такая-же каша убирается листьями, а потому и одинаково относится къ богу Квазю.

Между праздникомъ «*Выль джукъ*» и послѣднимъ вотскимъ земледѣльческимъ праздникомъ въ году,—«*Кутсь тулы*»,—мы должны отмѣтить еще совершаемый въ честь деревенскаго «*Воршуда*», въ деревенской «*дзэкъ кваль*» передъ или послѣ курбана

«*Нюлэсъ-мурту*», при началѣ зимнихъ холодовъ, обрядъ «*Квала тырянъ*»,—совершеніе котораго нами разъ уже подробно описано при очеркѣ праздника «*Акаяшка*», и который сопровождается тамъ-же описаннымъ обрядомъ «*сизькона*», т. е. обѣщанія жертвы въ будущемъ, по весенѣ.

14. Всю зиму у крестьянина вотяка одна забота: это молотьба хлѣба и продажа его. Но какъ ни много кладухъ было осенью поставлено къ овину, однакожъ, мало по малу, онѣ одна за другой измолачиваются и (обыкновенно въ февралѣ мѣсяцѣ) настаетъ день, въ который должны быть измолочены послѣдніе снопы стараго хлѣба, чтобы успѣть, оставивъ часть на посѣвъ и пропитаніе семьи, остальное отвезти на базаръ по еще не совсѣмъ испортившейся зимней дорогѣ. Какъ начало молотьбы, такъ и окончаніе ея вызываютъ вотяка къ принесенію жертвы и заставляютъ его отпраздновать конецъ годичныхъ земледѣльческихъ работъ не только въ кругу своей семьи,—но и всею деревнею.

Празднованіе окончанія молотьбы извѣстнымъ частнымъ домомъ называется «*Кутцамъ-быдтонъ*», что значитъ буквально «*окончаніе молотьбы*». Самое празднованіе нынѣ совершается такъ: Обмолотивъ съ утра весь хлѣбъ за исключеніемъ снопа, оставляемаго для «*Кутэсъ-туй*» (общественнаго праздника)

вотяки уходятъ къ обѣду домой, а къ вечеру берутъ съ собою пеночатый коровай хлѣба, соли, кумышки и идутъ снова всей семьею на гумно къ овину.—Здѣсь, разгладивъ сверху кучу зерна, оставшагося отъ утренней молотьбы,—постилаютъ на эту кучу скатерть, кладутъ хлѣбъ и другіе припасы, принесенные съ собою, и выставляютъ кумышку. Когда все это приготовлено и всѣ сѣли вокругъ, тогда старшій беретъ хлѣбъ, отрѣзаетъ отъ него горбушку, солитъ ее и, обратясь лицомъ къ овину, произноситъ молитву въ которой благодаритъ «*Обинь-мурта*» за то, что тотъ не спалилъ овина и кладухъ, а также за хорошій умолотъ и проситъ его на будущее время не оставить своимъ покровительствомъ кладухи и овина.—Проситъ также и о томъ, чтобы въ умолотѣ зерно было споро, чтобы оно нашло себѣ выгодныхъ покупателей и чтобы его хватило до новаго хлѣба. Послѣ этого небольшой кусокъ хлѣба съ солью и часть кумышки старикъ уноситъ въ овинную яму, возвратясь откуда, допиваетъ кумышку, доѣдаетъ хлѣбъ и такимъ образомъ начинаетъ круговое угощеніе. Вѣря въ примѣту, что ребелокъ,—выпивній во время «*Кутцамъ быдтона*», будетъ гораздо здоровѣе,—вотяки стараются напоить маленькихъ дѣтей (лѣтъ 4—5), приговаривая имъ пожеланіе, чтобы они выросли хороши-

ми помощниками при молотьбѣ. Чѣмъ больше дурачатся подпившія дѣти, чѣмъ болѣе они прыгаютъ, тѣмъ лучше,—такъ какъ этимъ предвѣщается хорошій урожай и удачная работа на будущій годъ.—Возвратясь съ овина, вотяки варятъ дома къ ужину кашу съ бараниной,—но молитвъ передъ столомъ уже не читаютъ.

Когда молотьба кончится во всей деревнѣ, старики условливаются о праздникѣ «*Кутэсъ-туй*», который иногда съ февраля переходитъ уже въ мартъ. Подобно другимъ праздникамъ, онъ предшествуется баней и хозяйственными хлопотами бабъ у печи утромъ того дня. Напекаются блины, перепечи, шаньги, яичницы, наваривается пива, браги, и со всѣмъ этимъ изъ всякій отдѣльный домъ идетъ на свое гумно, гдѣ 1) раскладываетъ огонь на гумнѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно горитъ костеръ для освѣщенія гумна, 2) приготовляетъ снопъ, оставленный отъ «*Кутцамъ быдтона*», раскладывая его на току, 3) на соломѣ, оставшейся отъ послѣдняго молоченія, растилаетъ скатерть и на ней выставляетъ все угощеніе, принесенное изъ дому. Для этого-же случая варится въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ каша съ уткой, закалотою въ овинной ямѣ. Являющійся «*почитонъ*», вмѣстѣ съ сосѣдями, при входѣ на гумно прежде всего беретъ въ руки цѣпъ и

ударяетъ имъ нѣсколько разъ по приготовленному снопу, дѣлаясь черезъ это какъ-бы участникомъ въ общей молотьбѣ семьи; вслѣдъ за попомъ съ тою-же цѣлью ударяютъ по снопу и сосѣди. Послѣ того какъ обмолотятъ снопъ начисто,—подходятъ къ скатерти и здѣсь «*почи-попъ*» исполняетъ всю обрядность «*шыдъ-сіона*», совершая возліяніе и бросая кашу на костеръ, горящій въ гумнѣ. Въ молитвѣ, читаемой имъ, онъ проситъ: «*делетэзъ медъ-луозъ кутцимъ юэз-лы, медъ-окмозъ вылызъ вутчозязъ*», что значитъ: «*да будетъ споро хлѣбное зерно въ умолоть, да будетъ его достаточно до новаго хлѣба*»! «*Вуж-зэ сіиськолъ*»,—говоритъ онъ, «*выль-зэ-кэ Квазь-лэсь курыськолъ*»—«*старый хлѣбъ мы ѣдимъ, и просимъ у Квазя новаго хлѣба*». Въ заключеніе «*попъ*» благодаритъ «*Обинь-мурта*» за то, что онъ сохранялъ кладухи, овины и всѣ другія строенія отъ огня и проситъ такой-же милости на будущій годъ.

Выпивъ нѣсколько рюмокъ кумышки и запивъ брагою и пивомъ,—«*почи-попъ*» и другіе отправляются на гумно къ сосѣду, гдѣ совершаются тѣ-же самые обряды.

Содержаніе молитвъ указываетъ намъ, что праздникъ этотъ совершается не въ честь какого-либо изъ высшихъ божествъ, а въ честь «*Обинь-мурта*», которому это и со-

ставляетъ единственное жертвоприношеніе въ теченіе года.

Изъ обзора, указаннаго нами, значенія жертвоприношеній, сопровождающихъ (какъ вступленіе и заключеніе) всякій болѣе или менѣе ясный фазисъ земледѣльческихъ работъ, мы видимъ не только религіозность вотяка, но и отчетливое сознаваніе имъ въ древности своей полной зависимости отъ природы,—что должно было сопровождаться постояннымъ страхомъ за будущее и невольными порывами благодарности за благопріятно истекшее прошедшее. Но если земля съ ея плодами и составляла главную заботу вотяка, тѣмъ не менѣе онъ не могъ по самому своему характеру не испытывать тѣхъ-же тревогъ и волненій, когда его мысль переходила съ земли на скотъ, равно совершенно замѣнявшій для него землю,—а нынѣ служащій для лучшей обдѣлки земли, какъ необходимый помощникъ и ретивый слуга,—а равно какъ и производитель того «*золота*», которое одно помогаетъ на нашей бѣдной почвѣ вызрѣвать «*золотому*» хлѣбному зерну. Поэтому, хотя главное дѣло мущины—это обработка земли, а уходъ за скотомъ—дѣло бабье;—однако благосостояніе скота на столько-же близко сердцу мужика, какъ и бабы, почему и на общественныхъ молитвахъ о скотѣ участву-

ють мужики даже предпочтительно передъ бабами.

Въ то время, когда показывается весною изъ подъ снѣга на поляхъ первая зеленая травка,—древніе вотяки праздновали «*Лезенъ-лудэ*» т. е. «*выгонъ на поле*» (*скотины*). По климатическимъ условіямъ мѣстности,—праздникъ этотъ въ Глазовскомъ уѣздѣ не могъ быть ранѣе половины апрѣля и потому, съ развитіемъ въ краѣ христіанства,—онъ легко слился съ праздникомъ Георгія Побѣдоносца, 23 апрѣля, который и по славянскимъ суевѣріямъ является наиболѣе счастливымъ днемъ для весенняго выгона скота. Раннимъ утромъ въ этотъ день женщины идутъ на рѣчку за водою и затапливаютъ бани, а часть воды отливаютъ въ особую кадку для поенія скотины,—а когда баня истопится (часамъ къ 7 утра), начинаютъ перекликать всю скотину по именамъ, подзывая ее къ крыльцу, гдѣ каждой отдѣльно даютъ нѣкоторую долю овса и поятъ той водою, которая была принесена за-свѣтло. Напоивъ и накормивъ скотину,—одни идутъ въ баню, а другія принимаются за приготовленія къ обѣду,—такъ что когда всѣ члены семьи вымоются въ банѣ, въ то время,—обыкновенно,—бываетъ готовъ и обѣдъ. Пообѣдавши и убравъ все лишнее со двора,—семья выходитъ на дворъ,—гдѣ молодежь снимаетъ ременный поясъ съ того

члена семьи, который почему-либо признается ими наиболѣе счастливымъ,—и,— плотно растянувъ концы этого пояса въ воротахъ двора, по концамъ ремня ставятъ зажженные огарки пасхальныхъ свѣчей, принесенныхъ съ собою изъ церкви въ прошедшую Пасху. Послѣ этого старикъ и старуха берутъ въ руки по пруту вербы, освященной въ Вербное Воскресенье, и гонятъ этими прутьями обрадованную скотину со двора, стараясь притомъ такъ гнать ее, чтобы она непремѣнно перешагнула черезъ ремень. Пасхальныя свѣчки и ремень ихъ соединяющій, по нашему мнѣнію, замѣнили древній костеръ очищенія, черезъ который переводили скотину (какъ и теперь черезъ ремень), чтобы избавить ее отъ худобы и истребить въ ней всѣ задатки болѣзней, которыя она могла получить въ хлѣву зимою. Впрочемъ, про вотяковъ Глазовскаго уѣзда нельзя сказать, что они зимою очень крѣпко запирали свою скотину,—такъ что даже въ самые сильные морозы можно встрѣтить на улицахъ вотскихъ деревень не только свиней и овецъ, но даже коровъ и лошадей;—потому и въ день выгона вотская скотина не выражаетъ особенно рѣзко своихъ восторговъ и по пути къ околицѣ нерѣдко нуждается въ побудительной дѣятельности прута. Дойдя до деревенскихъ воротъ,—старуха останавливается

по сю сторону,—а старикъ выходитъ на поле и,—догнавъ скотину до того мѣста, гдѣ она начинаетъ расходиться въ разныя стороны,—обращается лицомъ на востокъ и, смотря въ землю, да поглаживая рукою бороду, читаетъ вполголоса особую молитву, въ которой проситъ боговъ посторожить его скотину и поберечь ее отъ хищныхъ звѣрей и отъ потопленія въ водѣ,—а въ заключеніе—дать ей силу и плодородіе и вырастить побольше сѣна для прокормленія ея въ будущую зиму. Замѣтимъ здѣсь кстати, опущенное нами ранѣе, обстоятельство, что и за столомъ во время обѣда, домохозяиномъ читается подобная-же молитва.—Прутья, которыми скотина выгонялась въ поле, обязательно принести обратно домой и забросить въ самый дальній уголъ хлѣва, чтобы ихъ оттуда не могли вытащить, такъ какъ скотина только до тѣхъ поръ будетъ охотно возвращаться съ поля домой, пока эти прутья будутъ лежать въ хлѣвѣ. Вечеръ проходитъ въ пиршествѣ,—а молодежь водитъ до утра хороводы.

Такъ какъ лѣса и луга находятся по вотской теогоніи въ завѣдываніи «*Нюлэсъ-мурта*» и его ближайшаго помощника «*Луд-мурта*», —то очевидно, что и первый скотоводческій праздникъ долженъ былъ сопровождаться моленіями именно этимъ «*дядямъ*»; но въ настоящее время настолько мало сохрани-

лось слѣдовъ прежняго обряда,—что не только въ молитвѣ нѣтъ упоминанія о «*Нюлэсъ-муртѣ*» или «*Лудъ-муртѣ*», но и неизвѣстно, въ чемъ состояло самое жертвоприношеніе.—Во всякомъ случаѣ преимущество отдавалось «*Лудъ-мурту*», хозяину луговъ и поскотинъ:

Какъ второй скотоводческій праздникъ надо указать «*Нюлэсъ-муртъ ниманникъ*» т. е. «*лѣшій имянинникъ*» (или «*имянины лѣшаго*»), который совершается вотяками нынѣ на 3-й или 4-й день послѣ Троицына дня. Въ этотъ день совершается торжественное закланіе быка красной масти, исполняемое въ «*восяськонни чатча*», къ вечеру, въ присутствіи всей деревни и съ соблюденіемъ всѣхъ тѣхъ обрядовъ, которые нами указаны при описаніи праздника «*Озимь-дурэ*». Здѣсь также одинъ за другимъ исполняются обряды: «*Осте-каронъ*» (или «*благословеніе*»), «*Шыдъ-сіонъ*» («*благословеніе трапезы*») и «*Тау-каронъ*» («*благодареніе*»). Въ молитвѣ, читаемой на «*Остэ-каронъ*»,— «*дзэкъ-попъ*» проситъ тріаду, воршудовъ, а также и «*Нюлэсъ-мурта*» сохранять домашній скотъ отъ звѣрей, болѣзней и потопленія въ рѣчкахъ и логахъ,—проситъ сдѣлать скотъ сильнымъ и плодороднымъ, чтобы за лѣто прибыло много новыхъ головъ, которыя-бы не достались ни ворамъ, ни лихимъ людямъ. По окончаніи

всѣхъ обрядовъ въ молитвенной рощѣ расходятся по домамъ, гдѣ и продолжается еще угощеніе кумышкою вплоть до поздней ночи. Настоящее жертвоприношеніе «*Июлэсъ-мурту*» —второе по счету съ весны, такъ какъ первое жертвоприношеніе ему (яйца) бываетъ, какъ мы говорили ранѣе, еще на «*Акаяика'хъ*».

Слѣдующій за этимъ скотоводческій праздникъ бываетъ обыкновенно по окончаніи сѣнокоса, между 15 и 20 іюля и не имѣя для себя особаго названія общаго,—въ каждой мѣстности получаетъ названіе отдѣльное, по той рѣкѣ, которая въ этой мѣстности протекаетъ. Такъ, онъ будетъ называться «*Чютчи дурэ*», если онъ совершается на р. Чепцѣ, «*Лоза дурэ*», «*Пызепъ дурэ*», если онъ празднуется на Лозѣ или на Пызепѣ. Эти названія не полны и указываютъ не столько сущность праздника,—сколько мѣсто совершенія обрядовъ,—хотя нельзя не замѣтить, что и самый «*Ву-муртъ*» (водяной) получаетъ свое названіе отъ той рѣки, въ которой онъ проживаетъ. Обрядовый ритуалъ этого дня сходенъ съ ритуаломъ сейчасъ описаннаго нами праздника «*Июлэсъ-мурту*» и быкъ, употребляемый для жертвоприношенія, бываетъ той-же масти (красной). Но утромъ, во всякомъ случаѣ до полудня,—домохозяева, взявъ съ собою крупы, хлѣба

и утку, отправляются къ уважаемому въ деревнѣ ключу или къ мѣсту на рѣчкѣ и здѣсь совершаютъ обрядъ «*чэжъ·сіонъ*» (яденіе утки) совершенно также, какъ онъ описанъ у насъ въ праздникѣ «*Озимь-дурэ*». Что касается до порядка вечерняго жертвоприношенія, то и его описывать мы не будемъ, вслѣдствіе его полнаго сходства съ жертвоприношеніемъ на «*Озимь-дурэ*»; замѣтимъ лишь, что какъ на праздникѣ «*Нюлэсъ мурть нимапникъ*», такъ и на праздникѣ «*Чюпчи дурэ*», по прочтеніи молитвы «*Остекарона*».— «*дзэкъ-поп*ъ» возвышая нѣсколько голосъ, приглашаетъ «*Нюлэсъ·мурта*» или «*Ву-мурта*» прійти и принять участіе въ общей трапезѣ и угощеніи.—Въ самой молитвѣ, произносимой на «*Остэ-карон*ь, «*дзэкъпонъ*» просить «*Ву-мурта*» (называя его именемъ рѣки)—о томъ, чтобы онъ не топилъ скотины и не пугалъ ее, но чтобы помогъ вызрѣть хорошему сѣну, да и лѣтомъ питалъ бы и поилъ скотину такъ, чтобы она отъ этого жирѣла, обѣщаясь въ случаѣ умноженія скотины подѣлиться избыткомъ и съ нимъ.....

Не одинъ только домашній скотъ въ Глазовскомъ уѣздѣ служитъ подспорьемъ въ работахъ и доставляетъ пользу вотяку: бортевое и пасѣчное пчеловодство приноситъ иногда ему не менѣе дохода, нежели коровы и овцы;

поэтому было бы странно, если-бы въ теченіе годичныхъ жертвоприношеній вотякъ не принесъ-бы ни одной жертвы съ мольбою о благосостояніи пчелъ. А такъ какъ въ пчеловодствѣ главнѣйшій моментъ человѣческой дѣятельности бываетъ тогда, когда человѣкъ вырѣзаетъ изъ ульевъ медъ;—то и моленіе о пчелахъ у вотяковъ соединено именно съ этимъ моментомъ,—а богомъ покровителемъ пчелъ «*Мушъ возмасъ*», —считается «*Лудъ-муртъ*»,—богъ полей. Вырѣзать соты начинаютъ около 1 августа и въ это-же время совершается молитвенное жертвоприношеніе «*Лудъ-мурту*», состоящее изъ «*шыдъ-сіона*», соединеннаго съ закланіемъ утки.—Подготовившись къ этому дню баней, какъ ко всякому другому празднику, и одѣвшись въ чистыя одежды, жители тѣхъ домовъ, у которыхъ есть пчелы, съ утра приготовляютъ разныя печенья, а кумышка и пиво остались еще отъ праздника «*Почи-гэрбэра*». Въ тѣхъ домахъ, у которыхъ много бортей въ лѣсу или много ульевъ на пасѣкѣ, пчеловоды (т. е. лица, умѣющія ухаживать за пчелами) поднимаются раннимъ утромъ, и, взявши съ собою утку, уходятъ въ лѣсъ къ бортямъ или на пасѣку, гдѣ, отрѣзавъ у утки голову и выпустивъ на землю кровь,—произносятъ молитву съ благодарностью за сохраненіе и умноженіе пчелъ и съ просьбою доставить

побольше меду и воску, а въ зиму сохранить отъ холодовъ, болѣзней и лихихъ людей. Послѣ этого приступаютъ они къ вырѣзанію меда и,—доставъ нѣсколько сотовъ, къ обѣду возвращаются домой, куда несутъ и утку. Дома съ этой уткою варятъ кашу и приглашаютъ сосѣдей на *«шыдъ-сіонъ»*, въ которомъ вмѣсто масла употребляется медъ новой вырѣзки. Соотвѣтственно съ ритуаломъ всякаго *«шыдъ-сіона»* и теперь,—при возсѣніи каши, читается старикамп молитва, сходная по содержанію съ той, которую читали при закланіи утки.

Эта жертва и *«шыдъ-сіонъ»*, хотя и имѣютъ нынѣ семейный характеръ,—тѣмъ не менѣе это слѣдъ второго въ году скотоводческаго праздника *«Лудъ-мурту»*; послѣ него идутъ уже осенніе скотоводческіе *«курбоны»*, т. е. благодарственныя жертвы, или третьи въ году праздники тѣмъ-же *«муртамъ»*.

Лишь только выпадетъ первый снѣжокъ, что обыкновенно бываетъ во второй половинѣ октября, вотяки, вымывшись и одѣвшись въ бѣлое, берутъ съ собою гуся или самку тетерева, а кромѣ того разныхъ печеній, хлѣба, крупы, кумышки и пива, и запасшись также топорами, мелкими сухими лучинками и свѣчками изъ кудели, обмакнутой въ воскъ,—уходятъ въ лѣсъ подъ варапѣе опредѣленное дерево и здѣсь раскладываютъ костры по

числу семействъ, приносящихъ жертву, а подлѣ этихъ костровъ молодежь настилаетъ по снѣгу довольно густой слой еловыхъ и пихтовыхъ вѣтвей, ими срубленныхъ въ окрестности. Домохозяиномъ, или лицомъ замѣняющимъ его мѣсто въ собраніи, гусь рѣжется, потрошится и ощипывается; кровь изъ гуся выпускается на землю,—туда-же бросаются всѣ потроха и перья, а гуся цѣликомъ кладутъ въ котелъ, подвѣшенный надъ костромъ, въ которомъ потомъ варятъ кашу. Когда каша сварится, тогда домохозяинъ,—заступая мѣсто *«попа»*,—произноситъ молитву *«Нюлэсъ-мурту»*, въ которой благодаритъ его за покровительство скотинѣ и обѣщается впредь также приносить ему жертвы, если скотина будетъ благополучна. Порядокъ произнесенія молитвы и возношенія чашки совершенно таковъ-же, какъ и на другихъ *«шыдъ-сіонахъ»*, уже не разъ нами описанныхъ, но молитва заключается своеобразнымъ выкрикиваніемъ домохозяина, который сначала приглашаетъ *«Нюлэсъ-мурта»*, по обыкновенію говоря: *«иди сюда вмѣстѣ съ нами ѣсть-пить, щи уже поспѣли и мы ждемъ тебя съ полными ковшами, съ полными бочками»*! а затѣмъ громко восклицаетъ три раза: *«э-у»*!.. *«э-у»*!.. *«э-у»*!.. Послѣ этого начинается трапеза, во время которой, впрочемъ, не бываетъ такого шумнаго веселья, какъ при другихъ

подобныхъ случаяхъ. По окончаніи стола, блины, принесенные изъ дому,—часть мяса и кости гуся складываются въ особенную берестяную чашку или коробку, которую или ставятъ на сучья ели, или подвѣшиваютъ къ этимъ сучьямъ,—а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вѣшаютъ всѣ вмѣстѣ на особую жердь, подвязанную къ сучьямъ ели... Въ прежнее время каждая семья приносила изъ дома свое полотенце, которое, уходя, также вывѣшивала на деревѣ; но по мѣрѣ того, какъ суевѣрный страхъ къ священнымъ мѣстамъ и предметамъ началъ уменьшаться и наплись храбрецы, въ первую-же ночь послѣ жертвоприношенія уносившія полотенца къ себѣ; нынѣ вотяки уже перестаютъ приносить ихъ... На той-же елкѣ оставались налѣпленными воско-кудельныя свѣчи, которыя вотяками зажигались во время молитвы и погашены уже по окончаніи трапезы. Ночная темнота, еще болѣе казавшаяся густою вокругъ вслѣдствіе яркаго освѣщенія кострами и свѣчами, зажженными на елкѣ;—громкіе крики: «э-у» !, «э-у» !, на которые иногда какъ-бы отвѣчаютъ странные лѣсные звуки; наконецъ отдаленіе мѣста жертвоприношенія отъ жилыхъ мѣстностей и чаща вокругъ;—все это—наполняло душу вотяка невольнымъ трепетомъ и заставляло его питать почтительное благоговѣніе къ этому мѣсту. Отсюда понятно появленіе

такихъ повѣрій: 1) никто изъ участниковъ жертвоприношенія,—возвращаясь домой,—не долженъ обертываться назадъ къ заповѣдной елкѣ, какъ-бы это ни представлялось для него необходимымъ, такъ какъ обернувшійся сейчасъ-же попадалъ во власть «*Нюлэсъ-мурта*», который увлекалъ его или,—по крайней мѣрѣ, насылалъ тяжелую болѣзнь. 2) Лицо, приносившее жертву, не только не могло оглядываться, но и не могло сказать ни одного слова во все время пути до дома подъ страхомъ той-же участи. 3) Придя въ домъ, приносившій въ жертву не долженъ не только говорить, но и касаться кого-либо прежде, чѣмъ онъ не погрѣетъ рукъ своихъ надъ очагомъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ лицо, съ которымъ онъ заговорилъ или до котораго онъ дотронулся, будетъ поражено болѣзнью. 4) Никто, изъ бывшихъ на этомъ жертвоприношеніи, а тѣмъ болѣе приносившій жертву,—не должны глядѣть на дѣтей, пока сами не согрѣются въ комнатѣ, потому что иначе дѣти будутъ хворать; чтобы избѣжать этого, дѣтей передъ приходомъ домашнихъ съ осенней жертвы «*Нюлэсъ-мурту*» прячутъ на печку или въ какой-либо темный уголъ и не пускаютъ ихъ до тѣхъ поръ, пока бывшіе на жертвоприношеніи не согрѣются....

Отъ шестаго скотоводческаго праздника, посвященнаго въ древности, какъ мы думаемъ,

«*Луд-мурту*», какъ богу полей и покровителю лошадей, осталось весьма мало слѣдовъ древняго ритуала. Въ настоящее время самое названіе ничего не говоритъ уже о «*Луд-муртѣ*», давая празднику имя «*Валъ пиманикъ*», т. е. «*лошадь имянинница*». Какими обрядами сопровождалось его празднованіе въ древности,—мы въ настоящее время доискаться уже не могли: онъ пріуроченъ теперь отчасти къ христіанскому празднику Св. Кузьмы и Даміана и совершается или перваго или втораго ноября. Въ этотъ день приготовляютъ и обѣдъ получше, и кумышки пьютъ побольше,—а имяниницу—лошадь безъ крайней необходимости никогда не заставляютъ работать...

Седьмой и послѣдній скотоводческій праздникъ древнихъ вотяковъ оставилъ гораздо болѣе ясные слѣды въ по нынѣ совершаемомъ осенемъ «*Ву-муртъ-лы курбонъ*», т. е. въ благодарственной жертвѣ водяному.

Когда рѣки начнутъ замерзать и скотъ окончательно запирается въ хлѣвы, по соглашенію между старикамп, назначается опредѣленный день на принесеніе осенней благодарственной жертвы водяному. Домохозяева (или вообще представители изъ каждой семьи,—но непремѣнно мужчины)—берутъ съ собою изъ дому одну или пару утокъ, смотря по величинѣ семьи, и уходятъ на берегъ ближай-

шей рѣки, на опредѣленное мѣсто, на которомъ лѣтомъ совершалось жертвоприношеніе быка, и тамъ,—читая особую молитву,—закалаютъ этихъ утокъ и потрошатъ ихъ, выпуская кровь и бросая потроха въ рѣку. Здѣсь-же на берегу они очищаютъ утку отъ перьевъ и вообще приготовляютъ ее къ варенію;—но на этомъ мѣстѣ не варятъ, а уносятъ ее домой, гдѣ обыкновеннымъ порядкомъ съ этими утками варится каша, разъѣдаемая уже всѣми домочадцами въ избѣ въ порядкѣ «*шыдъ-сіона*» вообще. Въ молитвахъ этого дня благодарятъ рѣки и обитающаго въ нихъ «*Ву-мурта*» за то, что онъ не загубилъ скоть и далъ ему на пищу хорошаго сѣна съ поемныхъ луговъ,—причемъ, конечно, просятъ и о будущемъ, обѣщаясь и тогда принести отъ избытковъ большую жертву.

Разсмотрѣнные нами до сихъ поръ праздники были несомнѣннымъ остатками сѣдой языческой старины, когда о христіанствѣ не было еще и помину.—Хотя большинство изъ этихъ праздниковъ въ настоящее время и пріурочивается къ праздникамъ церкви христіанской, тѣмъ не менѣе слѣды древняго идоложертвеннаго ритуала сохранились настолько ясно, что по нимъ довольно точно можно указать значеніе и смыслъ праздника въ прежнее до-христіанское время. Но кромѣ этихъ праздниковъ вотяки въ настоящее время

обязательно празднуютъ многіе другіе праздничные христіанскіе дни и только въ обыкновенное воскресенье да въ свои приходскіе престольные праздники (если эти послѣдніе не сходятся съ днями древнихъ языческихъ жертвоприношеній) не совершаютъ никакихъ особыхъ суевѣрныхъ обрядовъ, которые-бы свидѣтельствовали о томъ, что эти праздники лишь стали на мѣсто древнихъ языческихъ праздниковъ, не замѣнивъ послѣднихъ вполнѣ. Правда, память о древнемъ культѣ при провожденіи этихъ праздниковъ сдѣлалась уже туманною, такъ какъ отличные отъ христіанскихъ обряды на праздникахъ этой группы являются несравненно менѣе сложными и большинство изъ нихъ имѣетъ такое сходство съ русскими суевѣрными обрядами, что можно было-бы, пожалуй, вывести предположеніе, что въ древности этихъ праздниковъ вотяки не знали и что они начали совершаться подъ вліяніемъ русскихъ и христіанства. Относительно этихъ праздниковъ трудно сказать, какое именно дѣйствіе ими освящалось; почему мы и располагаемъ ихъ уже не въ порядкѣ годовыхъ работъ, а въ порядкѣ гражданскаго года (т. е. начиная не съ весны, а съ 1 января).

1. **1 января; Новый годъ;** «*Выль-ар*». Въ этотъ день закалается баранъ и, утромъ, въ обѣденное время, «*почи-поп*» съ сосѣдями

переходитъ изъ дома въ домъ, совершая обрядъ «*шыдъ-сіона*», т. е. поѣдая кашу, сваренную съ этимъ самымъ барапомъ. Замѣтимъ здѣсь кстати, что на всѣхъ «*шыдъ-сіонахъ*» порядокъ хожденія «*почи-попа*» съ сосѣдями всегда одинаковъ: начиная съ края деревни отъ околицы, «*почи-попъ*» идетъ по домамъ своего рода спачала по одной сторонѣ улицы,—а потомъ переходитъ на другую,—почему во всякомъ домѣ приблизительно уже знаютъ, когда къ нимъ явится «*почи-попъ*». Коротенькая молитва, читаемая на «*шыдъ-сіонѣ*» Новаго года содержитъ въ себѣ, обращенную къ тріадѣ и вопрошу, просьбу объ избавленіи отъ всякихъ бѣдъ и о благополучіи на весь наступающій годъ.

2. **6 января; Крещеніе** имѣетъ два названія: одно болѣе древнее,— «*Вожо-кэлянъ*». (что значитъ «*проводы Вожо*»)—а другое—болѣе новое, уже христіанское, «*Э вылынъ сылонъ*» (что значитъ «*стояніе на льду*»)... Тотчасъ-же послѣ Новаго года деревенская молодежь начинаетъ хлопотать о томъ, чтобы съискать гдѣ нибудь въ деревнѣ за небольшую плату избу въ полное свое распоряженіе; а если въ деревнѣ оказывается какая-нибудь старая заброшенная изба, то они нѣсколько поправляютъ ее и въ то-же время по деревнѣ дѣлаютъ сборъ разныхъ матеріаловъ и живности, изъ которой дѣвки варятъ

кумышку и брагу, а 4 января приготовляютъ разное печенье, а вечеромъ (4-го же) ходятъ изъ избы въ избу, приглашая въ гости такою фразою: «*Вожо брага юыны лыткэ!*» —т. е. «*приходите пить брагу Вожо!*», за что ихъ угощаютъ въ избахъ кумышкою. 5 января, утромъ рано, вся молодежь собирается въ отысканную избу, гдѣ разогрѣваютъ приготовленное раньше, варятъ кашу и щи, и,—изготовивъ что слѣдуетъ, садятся за столъ, гдѣ и пируютъ до поздней ночи. Затѣмъ молодежь съ пѣснями переходитъ изъ одной бани въ другую и здѣсь, болѣе, смѣлые, очертивъ вокругъ себя обожженной лучинкою, слушаютъ свою судьбу,—а затѣмъ говорятъ «*Ву-мурту*» (Вожо?): «*потъ-татысь мылемэсты-лэсь!*»,— «*убирайся отъ насъ отсюда!*». Повидимому и самыя пѣсни поются главнымъ образомъ съ тою цѣлью, чтобы доказать «*Ву-мурту*», живущему въ это время въ баняхъ,—что его уже перестали бояться.—Съ этой прогулки и теперь рѣдкая пара ворочается почевать домой,—а прежде почевать дома на «*Вожо-кэлянъ*» считалось чуть-ли не безчестьемъ для парня и дѣвушки; парни, не нашедшіе себѣ пріюта въ другомъ мѣстѣ, ворочаются въ ту избу, гдѣ пировали, и здѣсь почуютъ. Раннимъ утромъ 6 января, дѣвки топятъ баню, а мужики, подъ предводительствомъ «*дзэкъ-попа*», взявъ

съ собою топоръ, палку или какой-либо обрубокъ дерева,—выходятъ на рѣку и стуча по льду тѣмъ, что у каждаго есть въ рукахъ, кричатъ: «*кошки татысь!*» «*уходи отсюда!*», обозначая этимъ, что власть «*Ву-мурта*» и «*Вожо*», развивавшаяся въ рождественскіе вечера и ночи, теперь кончилась. Читается-ли при этомъ «*дзекъ-попомъ*» какая-либо молитва, намъ не удалось получить никакихъ свѣдѣній,—но, какъ мы полагаемъ,—самое присутствіе здѣсь «*дзэкъ-попа*» («*курыскися*»)—указываетъ, что если не теперь, то въ древности совершалась молитва («*курыськонъ*»). Можно даже съ большою вѣроятностью сказать, что и содержаніе этой молитвы было сходно съ содержаніемъ молитвы, читаемой въ этотъ день на «*шыдъ-сіонъ*», въ которой «*матушку Вожо*», хотя и просятъ не сердиться, но въ то-же время просятъ и уйти, а затѣмъ отдаютъ себя покровительству тріады и воршуда. Возвратясь съ рѣки, идутъ въ баню, а затѣмъ ѣдутъ въ приходскую церковь, гдѣ присутствуютъ при обрядѣ освященія воды, который, какъ мы замѣтили, почему-то особенно нравится вотякамъ, рѣдко не являющимся на совершеніе этого христіанскаго обряда. По пріѣздѣ изъ церкви домой, приготовляютъ кашу съ гусемъ или уткою и «*почи-поты*», обходя избы, совершаютъ по установленному ритуалу обрядъ «*шыдъ-сіона*».

3. По 6-мъ числомъ января не оканчивается еще святочное веселье современныхъ вотяковъ. 7-го января бабы, выбравъ себѣ старшиною какого-нибудь весьма стараго мужика, поручаютъ ему распоряжаться устройствомъ пиршества и порядкомъ веселья, а къ вечеру, собравшись сначала въ одномъ домѣ и попировавши тутъ, подъ предсѣдательствомъ своего старшины (которому въ знакъ его должности вѣшаютъ черезъ плечо родъ цѣпи, сдѣланной изъ бересты)—переходятъ съ пляскою и пѣснями въ другой домъ. Въ этихъ пиршествахъ мужчины не участвуютъ: они побаиваются подвыпившихъ своихъ супружницъ, тѣмъ болѣе, что и бабьему старшинѣ нерѣдко достается отъ бабъ по нѣскольку хорошихъ ударовъ розгами въ томъ случаѣ, если онъ сдѣлаетъ какое-либо неудачное распоряженіе, а особенно если осмѣлится противорѣчить какому-либо ихъ общему желанію, какъ бы послѣднее ни было нелѣпо.

4. **Масляница**, по вотски *«Вэй-арня»* или *«Маслянча»*. Начиная отъ 7-го января и до самой Масляницы, у вотяковъ не бываетъ общественныхъ молепій, если только не случится ранѣе Масляницы *«Кутцамъ-быдтонъ»* съ *Кутэсъ-туй»*. На самой масляницѣ обыкновенно работаютъ до среды, но съ четверга начинаютъ уже пировать: пекутъ табани, шаньги, лепешки и запиваютъ ихъ

кумышкой, пивомъ и брагой. Мальчишки гдѣ-нибудь въ самой деревнѣ или на одворицѣ устраиваютъ горы болѣе крутыя для катанья на салазкахъ, а молодежь по-старше выбираетъ пригорокъ болѣе пологій, вытаптываетъ на немъ снѣгъ и очистивъ отъ сучьевъ длинныя колья такъ, чтобы поверхность ихъ была совершенно гладкая, кладетъ ихъ въ двѣ линіи, на манеръ рельсовъ, съ вершины пригорка до самаго низу, а частью даже и по низинѣ,—стараясь приморозить и обледенить жерди поливаніемъ ихъ на ночь водою. По этимъ жердямъ молодежь катается на ногахъ парами, т. е. взявшись за руки, парень и дѣвушка становятся рядомъ, каждый на своемъ шестѣ, и начинаютъ по покатости сначала тихо, а потомъ скорѣе и скорѣе спускаться внизъ. Пары, обвѣнчанныя въ рождественскій мясоѣдъ, ѣздятъ по своимъ родпымъ въ красивыхъ саняхъ и въ збруѣ, украшенной колокольцами и бубенчиками. Пріѣзжая въ деревню, обыкновенно онѣ сначала нѣсколько разъ проѣдутся по улицамъ,—а затѣмъ заѣзжаютъ въ домъ къ роднымъ, гдѣ и пируютъ, но не долго, а потомъ ѣдутъ въ другую деревню, или если въ этой деревнѣ есть у нихъ другая родня,—опять прокатываются по улицамъ нѣсколько разъ,—и послѣ этого заходятъ во второй домъ.—Такъ проходятъ четвергъ, пятница,

суббота и воскресенье Масляницы.

5. Понедѣльникъ первой недѣли Великаго поста называется у вотяковъ «*Крень нуналъ*», что значитъ «*хрѣновъ день*» или «*Маслянча кэлянъ*», «*Вэй арня кэлянъ*», что значитъ «*проводы Масляницы*». Въ этотъ день вотяки, также какъ и русскіе, имѣютъ привычку мыться въ баняхъ, послѣ чего старшія бабы остаются у печки и варятъ картофель, рыбу и постную кашу,—а молодежъ запрягаетъ опять лошадей въ сани и ѣдетъ кататься, причемъ къ концу оглоблей подвязываются вѣники, бывшіе въ банѣ, а къ дугѣ вмѣсто колокольчика— «*ботало*». По улицамъ ѣздятъ молча, не только безъ пѣсенъ и музыки, какъ это было на Масляницѣ,—но и безъ громкаго смѣху; а проѣхавшись нѣсколько разъ,—выѣзжаютъ за околицу, гдѣ отвязываютъ отъ оглоблей вѣники и бросаюхъ ихъ,—послѣ чего возвращаются домой обѣдать. Послѣ обѣда бабы сговариваются между собою, гдѣ-бы имъ лучше собраться попировать, а также кого имъ выбрать себѣ въ старшины. Кромѣ старшины въ этотъ день въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, бабы выбираютъ себѣ двухъ мужиковъ по-моложе въ качествѣ своихъ защитниковъ и тѣлохранителей и вооружаютъ ихъ пучками розогъ. Обязанность этихъ защитниковъ состоитъ въ томъ, чтобы защитить бабъ отъ нападенія

мужиковъ, а черезъ чуръ захмелѣвшую бабу отвести домой. Бабій старшина надѣваетъ на себя особенную цилиндрическую берестяную шапку съ нашитыми на нее разноцвѣтными лоскутками.—Пиръ начинается въ сумерки и подвыпившія бабы пляшутъ и поютъ пѣсни въ томъ домѣ, который былъ выбранъ ими для пира,—а потомъ, взявъ съ собою кумышки и положивъ въ карманъ нѣсколько корешковъ хрѣна, начинаютъ всей компаніей переходить изъ дома въ домъ съ пѣснями и пляскою, угощая кумышкою мужиковъ, а на закуску давая имъ откусить отъ корешка хрѣна, причемъ замѣчаютъ, что «это и все, что осталось отъ Масляницы». Съ такимъ угощеніемъ онѣ обходятъ всю деревню.

6. На ряду съ другими жертвоприношеніями, которыя пріурочиваются къ тому или другому времени года, надо указать, сохраняющіе слѣды древнихъ жертвоприношеній, обряды, соблюдаемые вотяками и понынѣ при мытьѣ пряжи или такъ называемыхъ «*мотовъ*». Подобно «*Кутцамъ-быдтонъ*», — праздникъ «*Мытье мотовъ*» — «*шортъ мыськонъ*»,—совершается двояко:—сначала каждымъ отдѣльнымъ семействомъ, а потомъ всею деревнею вмѣстѣ и время совершенія его обыкновенно падаетъ на Великій постъ (между послѣдними числами февраля и половиною марта).

Въ рѣкѣ устраивается прорубь и сосѣдки

приглашаются прійти помогать мыть моты. Раннимъ утромъ, по этому приглашенію, собираются онѣ въ опредѣленный день въ тотъ домъ, въ которомъ предполагается мытье пряжи,—запрягаютъ лошадь въ хорошую збрую съ колокольцами въ сани,—садятся на положенные въ сани моты (бабы и мужики безъ различія) и со смѣхомъ и шутками ѣдутъ на прорубь.—Иногда изъ одного дома выѣзжаютъ на нѣсколькихъ лошадяхъ. По пріѣздѣ на рѣку, старшая баба льетъ въ воду кумышку и бросаетъ туда кусокъ хлѣба, приговаривая про себя какую-то молитву, послѣ чего всѣ со смѣхомъ и шутками принимаются за мытье мотовъ. Особенно много бываетъ смѣху и шутокъ, если въ семьѣ, моющей моты, есть молодушка, вступившая въ семью въ послѣдній мясоѣдъ.—Если которые нибудь моты перепутаются,—то ее заставляютъ распутывать, говоря, что это запуталъ *«сусѣдко»* (*«Корка-муртъ»*) въ наказаніе ей за то, что она и послѣ свадьбы не соблюдала супружеской вѣрности. Притомъ ее непремѣнно стараются обмочить въ водѣ, для чего нѣсколько человѣкъ схватываютъ ее и несутъ къ проруби, и, даже если она откупится отъ настоящаго купанья обѣщаніемъ кумышки,—всетаки ей нѣсколько мочатъ ноги и подолъ платья.—Можно думать, что въ древности обрядомъ купанья молодушекъ

совершалась, такъ сказать, рекомендація ихъ,—пришлыхъ со стороны, мѣстному «*Ву-мурту*» и «*Вожо*». Мытье пряжи прерывается выпиваніемъ кумышки, которою запасливая старуха захватываетъ всегда не одну бутылочку, а вслѣдствіе этого все громче и громче раздаются пѣсни.—Кончивъ мытье, опять садятся на сани и съ пѣснями ѣдутъ домой, гдѣ переодѣваются въ чистое праздничное платье и садятся за столъ, начиная пиръ, который продолжается до поздней ночи.—Такимъ образомъ деревня пируетъ въ продолженіи иногда нѣсколькихъ недѣль (двухъ,—трехъ), а когда кончатся частныя пиршества, устраиваемыя по поводу мытья пряжи, въ опредѣленный день назначается обще-деревенское торжество по поводу этого, носящее названіе «*Шортъ-туй*». Въ этотъ день утромъ приготовляется все нужное для «*шыдъ-сіона*», причемъ каша варится постная, и «*почи-попы*» совершаютъ обрядъ «*шыдъ-сіона*»,—а когда они обойдутъ всю деревню, начинаютъ изъ дома въ домъ, переходить бабы съ прялками, и,—садясь какъ-бы съ цѣлью прясть,—угощаются кумышкою и разными печеньями и переходятъ въ слѣдующій домъ.

7. Слѣдующимъ днемъ, въ который до сихъ поръ вотяки совершаютъ много суевѣрныхъ обрядовъ, слѣдовъ древняго языческаго времени,—будетъ *Великій четвергъ* и, «*чет-*

верить нуналъ».—Еще вечеромъ въ среду на страстной недѣлѣ, предъ наступленіемъ сумерекъ, вотяки берутъ въ руки старые чугуны, боталы, ружья, и идутъ обходить ближайшія лѣсныя заросли, чтобы стукомъ, выстрѣлами и громкими криками прогнать отсюда на круглый годъ волковъ и другихъ хищныхъ животныхъ; а вернувшись изъ этого обхода, они берутъ косу, помело, которымъ заметаютъ въ печкѣ, и лопату, которой изъ печки выгребаютъ золу, и чертятъ вокругъ своего дома и двора черту, долженствующую защищать жилище отъ разныхъ злобныхъ дѣйствій оборотней и колдуновъ (*«вѣдунъ-есъ»*). Сначала они промстаютъ небольшую межу, потомъ соскребаютъ ее лопатой и наконецъ ведутъ по ней остріемъ косы, какъ-бы сохой, самую черту. Злые духи, по мнѣнію вотяковъ, и сами, и черезъ посредство оборотней и колдуновъ,—получаютъ въ среду на страстной недѣлѣ особую силу и расходятся въ этотъ день по всей землѣ для порчи людей и скота, если найдутъ или человѣка, который-бы легъ спать не благословясь, т. е. не произнесся «*Остэ, Инмарэ*»!.., или скотъ, который былъ бы запертъ въ хлѣвѣ безъ произнесенія этихъ словъ. Испорченные ими люди и животныя, по повѣрью, не доживутъ до Великаго четверга будущаго года. —Поэтому передъ самымъ сномъ вотяки

плотно закрываютъ всѣ отверстія, окошки, щели, трубу и подполицу,—чтобы ни откуда не проникли колдуны, причемъ, затыкая каждое отверстіе, произносятъ про себя: «*Остэ, Инмарэ!*»,—а столъ, стоящій въ переднемъ углу, накрываютъ бѣлою скатертью, на которую кладутъ коровай хлѣба и ставятъ соль, дѣлая это для умилостивленія добрыхъ божествъ (тріады и воршуда), которые, по его мнѣнію, будутъ ночью сами сторожить покой спящаго.—Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ парни съ заряженными ружьями и съ запасными зарядами въ карманѣ всю ночь караулятъ колдуновъ и оборотней, сидя на крышѣ избы или амбара. Обыкновенный видъ, принимаемый колдунами и оборотнями въ эту ночь,—это—видъ кошки, собаки, а иногда даже волка,—поэтому выстрѣлы раздаются нерѣдко и только неопытность стрѣлковъ помогаетъ спастись той бѣдной кошкѣ или собакѣ, которой вздумается пробѣжать по улицѣ въ эту ночь. —Сидя на крышахъ, парни внимательно подслушиваютъ звуки, раздающіеся по деревнѣ, и замѣчаютъ ихъ. Тамъ, гдѣ слышится звукъ похожій на тесаніе досокъ,—въ теченіи года непремѣнно будетъ покойникъ; гдѣ слышится трескъ, какъ-бы отъ горящаго дерева, или видится свѣтъ,—тамъ будетъ пожаръ; гдѣ слышится какъ-бы пересыпаніе зеренъ,—у тѣхъ будетъ особенно хорошій урожай хлѣба и т. д.

Въ самый Великій четвергъ утромъ всѣ стараются встать какъ можно раньше потому, что чѣмъ болѣе дѣлъ сдѣлаешь до восхода солнца, тѣмъ лучше. Особенно важно до восхода солнца: 1) сосчитать всѣ наличныя деньги, такъ какъ тогда круглый годъ онѣ будуть не уменьшаться, а прибывать; 2) черезъ дымовое окно (или *«волоковое»*) перекликать скотину съ тою-же цѣлью; 3) вымыться въ банѣ, чтобы не хворать цѣлый годъ никакими болѣзнями; 4) окуриться, чтобы избавиться отъ всякаго злого вліянія; наконецъ, 5) молодежи, желающей выучиться хорошенько плясать, надо до разсвѣта попрыгать въ томъ хлѣву, гдѣ живуть овцы. Утромъ первый просыпается домохозяинъ и, наскоро сосчитавъ деньги, будитъ взрослыхъ; тѣ, проснувшись, приносятъ вересовыхъ и пихтовыхъ вѣтокъ, часть которыхъ на желѣзной заслонкѣ отъ печки или на другой какой несгораюшей подкладкѣ складывается въ костеръ посреди избы и зажигается и всѣ окуриваютъ себя, причемъ иногда перепрыгиваютъ черезъ костеръ. Остатками горѣлыхъ вѣтокъ, чтобы изгнать злыхъ духовъ (Шайтановъ), окуриваютъ во всѣхъ углахъ, за печкой и подъ печкой и затѣмъ затыкаютъ подъ матицы или во внутреніе косяки дверей избы зеленыя вѣтки вереску. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ костеръ раскладывается на дворѣ и

не изъ вересовыхъ или пихтовыхъ вѣтвей, а изъ ржаной соломы;—но и здѣсь перепрыгиваніе черезъ костеръ—первое дѣло проснувшихся вотяковъ.—Послѣ этого бабы идутъ на рѣчку за водою, а старшій въ домѣ начинаетъ перекликать скотину. Ворочаясь съ рѣчки, бросаютъ въ ведра мелкую серебряную монетку и гадаютъ, кто проживетъ будущій годъ: кто подходя умываться сквозь воду увидитъ въ водѣ монетку бѣлою,—тотъ проживетъ благополучно;—а кому монета покажется темной,—тому грозитъ опасность умереть въ этомъ году или, покрайней мѣрѣ, жестоко похварать. Эта-же монетка кладется и въ воду, нагрѣваемую въ баню, чтобы тѣло было бѣло и твердо, какъ серебро.—Бабы затапливаютъ баню, а мужики начинаютъ выгонять Шайтана, хлопая по всѣмъ угламъ амбаровъ, клѣтей, хлѣвовъ и т. п. можжевеловыми (вересовыми) вѣтвями, громко крича и даже стрѣляя изъ ружей. Такимъ образомъ выгнавъ Шайтана изъ всѣхъ строеній, махая вѣтвями, выгоняютъ его и со двора, послѣ чего самыя вѣтки затыкаютъ въ дверные косяки избы снаружи, въ амбары, въ клѣти и въ верея воротъ. Въ Юмской волости, прогнавши Шайтана со двора и сожегши нѣсколько вѣтокъ близъ дома, мужчины садятся на лошадей, и, продолжая махать вѣтками, перепрыгиваютъ черезъ костеръ

у двора и скачутъ вдоль деревни до околицы, гдѣ также прикрѣпляютъ по вѣткѣ въ знакъ того, что злой духъ выгнанъ за эту черту. Обыкновенно на улицу выѣзжаютъ верховые довольно одновременно, такъ что всѣ собираются у околицы,—иногда-же они останавливаются всѣ подлѣ чьего-либо дома. Послѣднее случается тогда, если кто-либо изъ жителей деревни навлекъ на себя чѣмъ нибудь (напр. завѣдомымъ воровствомъ) вражду всей деревни: бросивъ у воротъ его дома вѣтки, вотяки думаютъ, что они въ этотъ домъ загнали Шайтана и что отсюда его уже нельзя будетъ ничѣмъ прогнать. Въ той-же волости существуетъ повѣрье, что лучшее средство обезопасить себя отъ воровъ на круглый годъ,—это въ ночь на Великій четвергъ,—самому украсть какую-нибудь мелочь у сосѣда. Ворується обыкновенно клокъ сѣна или соломы,—а то какая-нибудь тряпка съ крыльца или изъ сѣней избы и украденное ночью сжигается на утреннемъ очистительномъ кострѣ.... Прогнавши Шайтана, мужики возвращаются домой, гдѣ вся семья довольно сытно завтракаетъ, а затѣмъ мужики уходятъ въ баню мыться.—Женщины всюду въ Великій четвергъ ходятъ мыться въ баню послѣ мужчинъ и, вымывшись, нѣкоторое время пируютъ въ банѣ, принимая здѣсь-же посѣщенія своихъ сосѣдокъ.—Съ ранняго утра дѣ-

вочки подростки ходятъ изъ избы въ избу, выпрашивая разноцвѣтныхъ перетпнокъ или достали: этими собранными нитками и перстнками перевязываютъ кисти рукъ и поясницу у всѣхъ членовъ семьи, чтобы не чувствовалась усталость во время лѣтняго сѣнокоса и жнива. Существуетъ также повѣрье, что если такой ниткой перевязать березку или елку,—то она будетъ предвѣщать болѣзни и смерть тому, кто ее перевязывалъ: предъ болѣзнью она будетъ нѣсколько вянуть и плохо расти,—а передъ смертью и совсѣмъ засохнетъ. Выйдя изъ бани, женщины начинаютъ пятнать родившуюся въ концѣ зимы скотину—(жеребятъ, телятъ и ягнятъ),—послѣ этого обѣдаютъ и принимаются за свои обыкновенныя работы.

У вотяковъ Глазовскаго уѣзда существуетъ также преданіе, что въ ночь на Великій четвергъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ зарыты въ землю клады,—надо выйти на перекрестокъ дорогъ, ближайшій къ мѣсту клада, и, очертивъ здѣсь вокругъ себя ножемъ,—начать кликать кладь, говоря: *«приди ко мнѣ!»* и кладъ выйдетъ изъ земли и прикатится къ самому кругу, а тутъ уже умѣй его только схватить, не опасаясь разныхъ видѣній, которыя будутъ представляться.

8. **Пасха**.— *«Быдзымъ нуналъ»*, *«Великъ тэмъ»*, что значитъ: *«великій день»*. Въ этотъ

христіанскій праздникъ изъ праздниковъ у вотяковъ въ древности едва-ли было большое торжество; только «*шыдъ-сіонъ*», исполняемый по языческому ритуалу, совершенно одинаковый съ описанными нами «*шыдъ-сіонами*» въ другіе праздничные дни,—даетъ намъ поводъ указывать и этотъ день, какъ древній вотскій праздникъ. Оригинальнѣе всего то, что и молитва, читаемая «*почи-попомъ*» при возношеніи каши, относится не къ языческимъ божествамъ, а къ «*Христосу*», Котораго весьма смиренно просятъ не гнѣваться за то, что соблюдали плохо прошедшій постъ, а также и за то, что не умѣютъ лучше молиться, и просятъ у него вообще всякаго благополучія. Нѣкоторые священники утверждали мнѣ, что прежде вотскіе «*попы*» не обходили дома въ этотъ день и что эти обходы—только подражаніе обходамъ православнаго духовенства;—но на разспросы у вотяковъ,—я нигдѣ не получилъ подтвержденія этой мысли.

9. **Радоница.**— «*Дзэкъ-поминка* т. е. «*большія-поминки*».—Обычай поминать покойниковъ весною, какъ мы думаемъ, у вотяковъ существовалъ въ самый древній періодъ языческой ихъ жизни, точно также какъ и обычай поминать предковъ осенью. Въ настоящее время поминки эти слились съ христіанскимъ поминовеніемъ усопшихъ во вторникъ на

Ѳоминой недѣлѣ, или съ такъ называемою Радоницею. Впрочемъ, онѣ только присоединились къ этому дню, а не слились съ нимъ, и совершаются современными вотяками въ теченіе двухъ дней: въ понедѣльникъ на Ѳоминой недѣлѣ (древнее-языческое поминовеніе) и во вторникъ (поминовеніе, установленное подъ вліяніемъ христіанства).—Въ понедѣльникъ бабы напекаютъ перепечей, яичницъ, шанегъ и т. п., а старшій въ домѣ беретъ утку и уноситъ ее въ особое мѣсто, гдѣ обыкновенно совершается заклапіе утокъ въ честь Ву-мурта, близъ рѣки, и здѣсь выпустивъ кровь изъ утки въ воду со словами: «*вотъ я кровь даю вамъ, не гнѣвайтесь на насъ, старики!*,» —возвращается домой, гдѣ эту утку варятъ въ особыхъ щахъ съ клецками изъ ржаной муки (*«тукмачи»*),—блюдо, считающееся у вотяковъ обыкновеннымъ поминальнымъ блюдомъ. За обѣдомъ совершается обрядъ *«шыдъ-сіона»*, причемъ въ переднемъ углу зажигаются самодѣльныя восковыя свѣчи и старшій читаетъ молитву, въ которой,—обращаясь къ покойникамъ,—проситъ ихъ сохранить домъ отъ всѣхъ болѣзней и желаетъ имъ всякаго счастья на томъ свѣтѣ. Для покойниковъ подъ столомъ поставлено худое ведро, куда, сказавъ молитву,—старшій и отливаетъ нѣсколько кумышки, произнося: «*Сябась, уажкала-есь!*» —

т. е. *будьте здоровы, старики!*, и бросаетъ кусокъ хлѣба, а затѣмъ выпиваетъ кумышки самъ и садится за столъ,—обѣдать. Его примѣру слѣдуютъ и всѣ домашніе. Въ ведро по немногу откладывается также отъ всякаго блюда, являющагося на столѣ,—а по окончаніи обѣда все, находящееся въ ведрѣ, выносятъ на задворки собакамъ, которыя въ эти дни, какъ-бы предчувствуя себѣ угощеніе, собираются большими стаями. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, у состоятельныхъ вотяковъ, поминаніе умершихъ въ этотъ день бываетъ не одинъ, а три раза въ завтракъ, обѣдъ и ужинъ и каждый разъ въ ведро отбрасываютъ частицы всѣхъ кушаньевъ;—но обрядъ «*шыдъ-сіона*» совершается только во время обѣда.

На другой день утромъ хозяйки встаютъ рано, пекутъ блины, перепечи, яичницы и варятъ яйца, а когда все готово,—укладываютъ это въ пестери и корзинки вмѣстѣ съ хлѣбомъ, солью, пивомъ и кумышкой и отправляются въ свою приходскую церковь, гдѣ ставятъ восковыя свѣчи на поминальный столикъ, а немного помолившись, уходятъ оттуда на кладбище,—на могилы своихъ родственниковъ. Здѣсь прилѣпляютъ къ кресту и ставятъ на самой могилѣ самодѣльныя или купленныя восковыя свѣчи, разстилаютъ скатерть, на которую выкладываютъ принесен-

ные съ собою припасы и, перекрестившись нѣсколько разъ, начинаютъ читать молитву, подобную слѣдующей: «*Въ свѣтъ ходите, «ой, старики! Въ иную землю ушли вы;— «пусть же будетъ у васъ и хлѣба и соли «вдоволь, и съ пріятелями пусть вы дружно «живете! Мы остались послѣ васъ сиро- «тами и маломощными: не отрывайте же «вы нашихъ рукъ отъ работъ,—семействъ «нашихъ не разстраивайте,—скотину не «мучьте! Вотъ принесли мы вамъ сѣчки! «Всегда при свѣтъ ходите! Для васъ, ой «старики,—напекли мы блиновъ съ творо- «гомъ, яичницъ и табаней, и вы безъ хлѣба «примите наше угощеніе: пьіте, пейте и «пойте пѣсни!*» Послѣ этого принимаются выпивать и закусывать, а когда нѣсколько подвыпьютъ, запѣваютъ заплачки (*«кыланъ-буранъ»*), сходныя по содержанію съ тѣми заплачками, которыя поются при проводахъ покойника,—но распѣваемыя уже на особый поминальный мотивъ (*«шайвылынъ-крэзь»*). По окончаніи ѣды остатки отъ пищи и непремѣнно нѣсколько цѣльныхъ варепыхъ яицъ зарываютъ въ край могилы, куда льютъ кумышку и пиво, изъявляя желаніе, чтобы все это «*предстало предъ ними*», т. е. предъ покойниками (*«ажазъ медъ усезъ»*), выражая этимъ ту мысль, что пища и питье предназначаются для самыхъ покойниковъ. Продол-

жая распѣвать заплачки, вотяки разъѣзжаются по домамъ, гдѣ уже готова для нихъ баня; и только вымывшись въ банѣ они принимаются за свои обычныя дѣла.

10. **1 августа. Первый Спасъ.** — *«Ву вылынъ сылонъ»*, — *«стояніе на водѣ»*. 1 августа вотяки считаютъ такимъ днемъ, въ который можно избавиться отъ простудныхъ и сыпныхъ болѣзней самому, а также избавить отъ хилости и слабосилія своихъ лошадей. Есть-ли въ этомъ повѣрьи слѣдъ древняго язычества или это уже чисто христіанское представленіе,—сказать трудно,—особенно въ виду того, что въ настоящее время намъ неизвѣстно даже, чтобы гдѣ-нибудь въ этотъ день справляли *«шыдъ сіонъ»*. Извѣстно только, что въ этотъ день даже больные пріѣзжаютъ въ приходское село во время обѣдни и располагаются гдѣ-нибудь на берегу рѣчки или пруда, пониже того мѣста, гдѣ на берегу устроены мостки для водоосвященія. Тутъ-же цѣлыми рядами располагаются верховые, нерѣдко съ одной или друмя лошадями въ поводу. Больные бываютъ одѣты въ старое загрязненное бѣлье, которое они обыкновенно скидаютъ въ водѣ и бросаютъ въ рѣку. Когда раздается колокольный звонъ и покажется крестный ходъ, всѣ желающіе купаться снимаютъ съ себя все лишнее, а лишь только послышится пѣніе: *«Спаси, Господи,*

люди Твоя».., всѣ бросаются въ воду, которые пѣшіе,—которые верхомъ на лошадяхъ, матери вносятъ на рукахъ въ воду больныхъ младенцевъ: все это шумитъ, кричитъ и громко плещется. Верховые успѣваютъ выскочить на берегъ ко второму погруженію креста, а пѣшіе, большею частью, при каждомъ новомъ погруженіи только окупаются. Выходя на берегъ, больные надѣваютъ на себя все чистое и ѣдутъ домой съ надеждою, что болѣзнь отъ нихъ отмылась *«крещеной»* водой.

11. **Покровская суббота.**—*Почи поминка или «Малыя поминки»*. Подобно большимъ помпнкамъ въ Радоницу по весиѣ, празднуются малыя помпнки осенью и въ совершеніи обрядовъ на тѣхъ и другихъ памъ пынѣ неизвѣстно никакихъ различій,—такъ что мы не могли даже дознаться, почему одни поминки называются *«большими»*, а другія *«малыми»*. Такое-же закланіе утки, тѣже *«тукмачи»*, то-же ведро подъ столомъ для предковъ въ пятницу;—тоже отправленіе съ припасами и со свѣчами на приходское кладбище въ субботу, тѣ-же заплачки, та-же баня,—однимъ словомъ все то-же самое, что происходитъ въ *«Дзэкъ-поминка»*,—то происходитъ и въ *«Почи-поминка»*. Замѣтимъ здѣсь, что эти двое годичныхъ поминокъ, а также *«Кусо азъэ виро»* ранѣе нами описан-

ным,—повидимому служили древними языческими праздниками поминанія *всѣхъ предковъ—родоначальниковъ.*

12. **Святки.** «*Вожо-дыръ*» .—(Съ 25 декабря по 7 января).—Въ первый-же день Рождества бабы и молодежъ выбираютъ особую избу, которая попросторнѣе и уговариваются съ хозяевами, чтобы ее уступили имъ на всѣ Святки. Если въ деревнѣ есть какая-нибудь старая, пустующая, изба, которую, послѣ небольшой починки, можно употребить въ дѣло,—пользуются иногда этой старой избой. Къ Святкамъ, собственно для святочныхъ вечеровъ, бабы уже сдѣлали особый запасъ браги и кумышки, а когда выберутъ избу, сюда сносятъ и всевозможные припасы:—хлѣбъ, масло, яйца, муку, крупу, мясо и т. д., и сейчасъ-же начинается приготовленіе къ пиру. Пока младшіе стряпаютъ у печки,—старшая баба приходитъ изъ дому, неся коровай хлѣба и сопровождаемая своимъ старикомъ.—Здѣсь она настилаетъ на столъ бѣлую скатерть, кладетъ на него коровай хлѣба,—ставитъ соль и масло, а затѣмъ старикъ нарѣзаетъ хлѣбъ кусками, посыпаетъ солью, намазываетъ масломъ и читаетъ молитву. Послѣ этого онъ ѣстъ самъ, а потомъ ѣдятъ и всѣ другіе. Поѣвши, запрягаютъ лошадей и ѣдутъ кататься по улицамъ въ саняхъ, стараясь въ каждыхъ са-

няхъ садить какъ можно болѣе народу, чтобы лѣтомъ хлѣбъ росъ гуще; при этомъ заходятъ къ сосѣдямъ и просятъ ихъ въ отдѣльную избу, къ себѣ, ѣсть кашу, а за такое приглашеніе ихъ угощаютъ брагой и пирогами. Въ сумерки приходятъ званые сосѣди и всѣ садятся за столъ обѣдать, причемъ приходящій съ сосѣдями *«дзэкъ-попъ»*, —совершаетъ по всѣмъ правиламъ ритуала обрядъ *«шыдъ сіона»*. Когда обѣдъ кончится, начинаются игры, разсказываются сказки, загадываютъ другъ другу загадки,—поютъ и пляшутъ. Ночью дѣвушки загадаютъ по полѣньямъ, по колосьямъ изъ сноповъ обмолоченной соломы,—по цвѣту овецъ.—Первое гаданье (по полѣньямъ) состоитъ въ томъ, что дѣвушка идетъ къ дровамъ и вытаскиваетъ изъ средины полѣнницы одно полѣно, по которому и судитъ, каковъ будетъ ея будущій мужъ: прямое, довольно гладкое съ наружной стороны полѣно,—значитъ—мужъ красивый и ласковый,—а полѣно нѣсколько искривленное, съ нечисто обрубленными сучками по поверхности,—означаетъ мужа больного и сердитаго. Иногда смотрятъ также, изъ какого дерева полѣно, и поэтому предсказываютъ о томъ, въ какую семью,—богатую или бѣдную выйдетъ дѣвушка замужъ.—По большей или меньшей сухости полѣна гадаютъ, скоро-ли дѣвушка выйдетъ замужъ.

—По колосьямъ гадаютъ о будущемъ богатствѣ или бѣдности: если въ колосѣ обмолоченнаго снопа остались еще необмолоченныя зерна, то тѣмъ богаче будетъ жить дѣвушка, чѣмъ больше этихъ зеренъ; но если не встрѣтится ни одного зерна,—то дѣвушка выйдетъ въ очень бѣдную семью.—По цвѣту шерсти у овецъ узнаютъ о цвѣтѣ волосъ жениха. Кромѣ того ходятъ слушать на перекрестки дорогъ (въ поле или за амбары) и по услышанныхъ звукамъ гадаютъ о будущемъ: если слышны звуки, какъ отъ молотьбы, —къ урожаю, къ богатству; если-же звукъ похожъ на стукъ дровосѣка,—къ неурожаямъ, къ смерти; далекая веселая пѣсня,—къ свадьбѣ или урожаю, невеселая,—къ болѣзни и неурожаю.—31-го декабря, часовъ въ десять вечера, дѣвки ходятъ на рѣчку за водой и, перекрестивъ коромысломъ воду въ проруби, говорятъ: «*ацкы!*» («*покажись!*»), послѣ чего идутъ домой, стараясь не раскрывать глазъ, —а по приходѣ домой сейчасъ-же ложатся спать, чтобы во снѣ увидѣть своего жениха. Съ вечера-же 31 декабря, а иногда утромъ 1-го января, бабы стараются вымести какъ можно чище полъ въ избѣ, и если найдутъ въ сору соломину съ колоскомъ, это къ урожаю, къ прибыли въ хлѣбѣ, а если какую-нибудь мошку,—то къ богатству, къ прибыли въ деньгахъ. Въ Новый годъ, задолго

до свѣта, бабы стараются, опередивъ одна другую, скатиться на салазкахъ, потому что кто раньше скатится, у того ленъ будетъ длиннѣе...

Изъ святочныхъ игръ вотской молодежи можно указать: 1) *Сяла ыбонъ* т. е. *стрѣльба рябчика*. На отставную, не очень длинную скамейку, у которой концы заходятъ довольно далеко за ножки, садятся другъ противъ друга, именно на этихъ концахъ, двое парней, а иногда даже парень и дѣвушка, или двѣ дѣвушки, и надѣвъ на руки рукавицы, стараются ударить другъ друга съ боку такъ, чтобы противникъ полетѣлъ со скамейки, причемъ побѣдитель долженъ сохранить равновѣсіе и усидѣть самъ на своемъ концѣ.— 2) *Юръ* т. е. *смоленіе (игра въ жгуты)*. Изъ длиннаго полотенца свиваютъ крѣпкій жгутъ, на концѣ котораго нерѣдко завязываютъ узелъ. Играющіе садятся большимъ кругомъ на полу, протянувъ ноги въ середину круга и закрывъ ихъ сверху какимъ-нибудь широкимъ ковромъ, половикомъ, полотномъ и т. п.; одинъ, выбранный по жребію, ходитъ вокругъ играющихъ и,— ударяя по плечу то того, то другаго, старается всячески не ударить того, у котораго въ данную секунду находится жгутъ, постоянно передаваемый подъ полотномъ изъ рукъ въ руки. Если же случайно онъ ударитъ того, у кого

жгутъ, то владѣлецъ жгута вскакиваетъ и осыпаетъ его ударами, пробѣгая за нимъ три раза вокругъ играющихъ, а затѣмъ передаютъ жгутъ первому водившему, которой и садится на мѣсто, а имѣвшій жгутъ идетъ кругомъ. 3) «*Чэжъ-лэръ*» т. е. «*горностай*». Беруть довольно толстую веревку въ 1 или $^3/_4$ арш. длины, которая и называется горностаемъ, и всѣ садятся рядомъ на лавку, не очень тѣсно другъ къ другу. Руки у всѣхъ назади и тамъ передаютъ изъ рукъ въ руки горностая, а одинъ изъ играющихъ долженъ наклониться и, протянувъ руку между руками играющихъ, схватить руку съ горностаемъ. Пока онъ нагибается, этимъ горностаемъ его нерѣдко пребольно вытягиваютъ вдоль спины, а затѣмъ снова ловко передаютъ веревку далѣе, такъ что водящій долго не можетъ поймать его. Вторымъ ищетъ горностая тотъ, у кого въ рукахъ его схватили. 4) *Годысь,— отгадчикъ*. Какому нибудь парню завязываютъ глаза и сажаютъ его посреди комнаты, а дѣвушки, подходя къ нему, щипляютъ его, причемъ кто-нибудь спрашиваетъ: «*кто это тебя ущипулъ*?» и если парень угадаетъ имя дѣвушки, то имѣетъ право поцѣловать дѣвушку, а если не угадаетъ, получаетъ тычекъ себѣ въ спину.

Кромѣ указанныхъ нами игоръ, играютъ въ жмурки, лодыжки и другія игры, похожія

на русскія, которыя мы не приводимъ, какъ не приводимъ и способовъ гаданья, сходныхъ съ русскими святочными гаданьями.

Первый день Рождества, т. е. 25 декабря, по обряду *«шыдъ-сіона»*, носитъ у вотяковъ названіе *«Вожо-шыдъ»* (т. е. *шы-Вожо*) и молитва, читаемая за обрядомъ *«шыдъ-сіона»* въ этотъ день, имѣетъ свою оригинальность, хотя нѣсколько и сходна съ молитвою, читаемою во время *«шыдъ-сіона»* —6 января. Обращаясь къ матушкѣ *«Вожо»*, *«дзэкъ-потъ»* проситъ ее, чтобы она въ продолженіи двухъ святочныхъ недѣль не причиняла-бы вреда людямъ, а безъ гнѣва ушла-бы въ воду 6 января; на будущій-же годъ способствовала-бы хорошему урожаю хлѣбовъ.

Съ вечера-же 25 декабря, молодежъ начинаетъ исполнять особый обрядъ *Уй-бытъ юонъ*, который потомъ повторяется во всѣ большіе праздники вплоть до *«Акаяшки»*, откуда начинаются уже хороводы, какъ-бы замѣняющіе собою *«Уй-бытъ юонъ»* (всепочная попойка). Обрядъ этотъ состоитъ въ томъ, что молодежъ, иногда съ завѣшанными платками лицами и въ вывернутыхъ на изнанку тулупахъ, переходитъ изъ дома въ домъ съ пѣснями и музыкой. Въ каждомъ домѣ они пляшутъ, поютъ и загадываютъ загадки, за что хозяева угощаютъ ихъ кумышкой, брагой и пирогами. *Уй-бытъ юонъ* продолжается

каждый разъ до тѣхъ поръ пока не будутъ обойдены всѣ избы деревни, поэтому въ большихъ деревняхъ продолжаются долѣе, нежели въ маленькихъ.

Вотъ и всѣ праздники, при совершеніи которыхъ вотяки Глазовскаго уѣзда сохранили особенности въ обычаяхъ, какъ слѣды обрядовъ, предписанныхъ древнимъ идоложертвеннымъ ритуаломъ. Чтобы яснѣе представить себѣ послѣдовательность этихъ праздниковъ, мы прилагаемъ слѣдующій календарь ихъ въ 1888 году. [1])

ВОТСКІЙ КАЛЕНДАРЬ НА 1888 ГОДЪ.

Мѣсяцъ Январь.

1. Пятница. *Былъ аръ.* Новый годъ.
2. Суббота.
3. Воскресенье.
4. Понедѣльникъ.
5. Втори. *Вожо-кэлянъ.* Проводы Вожо
6. Среда. *Э былынъ сылонъ.* Стояніе на льду.

Вожо-дыръ. Рождеств. Святки.

7. Четв. *Кинo празьникъ.* Бабій праздникъ.

[1]) Примѣчаніе Праздники въ мѣсяцахъ октябрѣ и ноябрѣ выставлены нами въ тѣ числа, въ которыя они правились въ 1887 г. Замѣтимъ еще, что мы распредѣлили праздники такъ, какъ это было наиболѣе подходяще, чтобы соблюсти ихъ послѣдовательность, а поэтому числа взяты изъ разныхъ мѣстностей, въ виду указаннаго нами выше сокращенія числа праздниковъ въ одномъ мѣсяцѣ и умноженія его въ другомъ.

Мѣсяцъ Февраль.

23. Вторникъ. *Кутцамъ-быдтонъ.* Окончаніе молотьбы.

Мѣсяцъ Мартъ.

3. Четвергъ.
4. Пятница. *Кутэсъ туй.* Праздникъ цѣпа.
5. Суббота.
6. Воскресенье.

Вэй-арня. Масляница.

7. Понедѣльн. *Вэй-арня кэлянъ.* Проводы масляницы. *Крынъ нуналъ*—День хрѣна.
16. Среда. *Шортъ-мысконъ.* Мытье мотовъ.
23. Среда. *Шортъ-туй.* Праздникъ мотовъ.
30. Среда. *Гуждоръ.* Праздникъ на проталинахъ.

Мѣсяцъ Апрѣль.

21. Четвергъ. *Четвергъ нуналъ.* День Четверга. Великій Четвергъ.
23. Суббота. *Животъ поттоно лудэ.*—Выгонъ скотины въ поле.
24. Воскр. *Быдзимъ нуналъ.*—Великій день.
26. Вторн. *Квала тыранъ.*—Посѣщеніе квалы.
27. Среда. *Гэры поттонъ.*—Вывозъ сохи.
28. Четвер. *Э кэлянъ.*—Проводы льда.
29. Пятн. *Гэры сектанъ.* Чествованіе сохи.

Апрѣлка.

Мѣсяцъ Май.

2. Понедѣльникъ. *Дзэкъ поминка.*—Большія поминки.
3. Вторникъ. *Шай выльнъ поминка.*—Поминки на могилахъ (Радоница).
28. Суббота. *Джэгъ луд дурэ.*—Праздникъ у ржаного поля.

Мѣсяцъ Іюнь.

12. Воскресенье. *Квар восянъ.*—Освященіе листьевъ.
13. Понед. *Музьемъ и Гудыры ниманникъ.*—Имянины земли и грома.
14. Вторникъ. *Нюлэсъ-муртъ ниманникъ.*—Имянины лѣшаго.
28. Втори. *Квала тыранъ.*—Посвященіе квалы.
29. Среда. *Дзэкъ-гэрбэръ шыдъ-сіонъ.*—Благословеніе трапезы послѣ великой страды.
30. Чет. *Джэгъ утчанъ*—Смотрины ржи.

Дзэкъ Гэрбэръ. Послѣ великой страды.

Мѣсяцъ Іюль.

1. Пятница. *Веникъ ваенъ.*—Вязанье вѣниковъ.
2. Суббота. *Кусо азэ виро.*—Поминки предковъ предъ сѣнокосомъ.
19. Вторникъ. *Чюпчи дурэ.*—Праздникъ у Чепцы.
20. Среда. *Шочи Гэрбэръ.*—Послѣ малой страды.

Мѣсяцъ Августъ.

1. Понедѣльн. *Ву вылын̆ъ сылонъ.*—Стояніе на водѣ.
3. Среда. *Мушъ-возьмась-лы курбонъ.*—Жертва пчелиному духу.
10. Среда. *Сизилъ озимь дурэ.* — Осенній праздникъ у озими.

Мѣсяцъ Сентябрь.

3. Суб. *Сизилъ курбонъ.*—Осенняя жертва.
17. Суббота. *Пужымъ улэ курбонъ.*—Жертва подъ сосною.
21. Среда. *Выль джукъ.*—Новая каша.
23. Пятн. *Почи поминка.*—Малыя помники.
24. Субб. *Шай вылын̆ъ поминка.*—Помники на могилахъ (Покровская суббота).

Мѣсяцъ Октябрь.

26. Среда. *Нюлэсъ-муртъ-лы курбонъ.* — Жертва лѣшему!

Мѣсяцъ Ноябрь.

1. Вторникъ. *Валъ ниманникъ.*—Имянины лошади.
2. Среда. *Ву-муртъ-лы курбонъ.*—Жертва водяному.
5. Суббота. *Сизилъ квала пыранъ.*—Осеннее посѣщеніе квалы.

Мѣсяцъ Декабрь.

25. Воскресенье. *Вожо шыдъ сіонъ.*
Благословеніе трапезы Вожо.
26. Понедѣльникъ.
27. Вторникъ.
28. Среда.
29. Четвергъ.
30. Пятница.
31. Суббота.

Вожо-дыръ. Время Вожо. (Святки).

Просматривая этотъ календарь,—или вѣрнѣе списокъ,—мы подмѣчаемъ, что жертвоприношенія въ теченіе года распредѣляются между слѣдующими богами: Тріадою, Воршудомъ, Нюлэсъ-муртомъ (и Лудъ-муртомъ), Ву-муртомъ (и Вожо), и усопшими предками (отдаленными и родителями). Всѣмъ этимъ божествамъ вотяки въ древности,—повидимому, приносили обязательно *три* жертвы въ году: первую—весною, вторую—лѣтомъ, а третью—болѣе или менѣе позднею осенью или даже зимою. Такъ, *Инмару* приносились жертвы въ *Гуждоръ, Почи-герберъ и Сизилъ-курбонъ, Кылдысину—Гэры-поттонъ, Тулысъ озимъ дурэ, Сизилъ озимъ дурэ; Квазю—Гэры сектанъ, Кваръ восянъ, Выль джукъ Воршуду деревни и дома—3 Квала-пыранъ: на Акаяшкахъ, на Дзэкъ гэрбэрѣ и Сизилъ квала-пыранъ.*

Предкамъ отдаленнымъ (родоначальникамъ) —Дзэкъ-поминка, Кусо-азэ виро и Почи-поминка.

Покойнымъ родителямъ — Гэры-поттонъ шыдъ-сіонъ, Веникъ-ваенъ, Нужымъ улэ курбонъ Нюлэсъ-мурту—на Акаяшкахъ, Нюлэсъ муртъ нимапникъ, Сизилъ Нюлэсъ-муртъ-лы курбонъ.

Лудъ-мурту—Животъ-поттоно лудэ, Мушъ возьмась-лы курбонъ, Валъ нимапникъ Ву-мурту—Э кэлянъ, Чюпчи-дурэ курбонъ, Сизилъ Ву-муртъ-лы курбонъ Вожо—Чюпчи-дурэ чэжъ-сіонъ, Вожо-шыдъ-сіонъ, Вожо кэлянъ.

Сверхъ этого въ «*Кутцамъ быдтонъ*» и «*Кутэсъ туй*» — совершалась повидимому жертва «*Обинь мурту*». Праздноваціемъ «*Шортъ-туй*» сохранена память о жертвоприношеніи «*Корка мурту*», а «*Джэгъ утчанъ*»,—пожалуй, можно считать жертвою тому духу, въ распоряженіе котораго поступало зерно, т. е. «*Гондыру*».—Въ честь кого были остальные праздники,—рѣшить это едва-ли теперь возможно: можно сказать съ утвердительностью лишь одно, что «*Кереметь*» вовсе не предназначалось ни одного жертвоприношенія въ году,—а память о «*Шайтанѣ*» сохранилась лишь въ изгнаніи его утромъ Великаго Четверга, что дѣлаетъ весьма подозрительнымъ самую древ-

ность представленія о Шайтанѣ у вотяковъ.

Общая жертва всѣмъ божествамъ приносима была вотяками въ срединѣ лѣта несомнѣнно (Дзэкъ-гэрбэръ шыдъ-сіонъ), но мы думаемъ, что кромѣ того общую-же жертву божествамъ приносили и на «*Выль-аръ шыдъ-сіонъ*» (пиръ 1 января, а прежде,—сколько можно думать,—1 сентября); тогда третьею годичною жертвою, и именно весеннею, будетъ *шыдъ-сіонъ*, пиръ совершаемый въ честь Христоса,—въ *Быдзимъ-нуналъ*. Интереснѣе всего опредѣлить истинное значеніе бабьихъ праздниковъ *(кинo празьникъ)*; кромѣ указанныхъ у насъ такихъ праздниковъ на другой день крещенія и въ чистый понедѣльникъ,—мы имѣемъ еще указанія на то, что въ древности, когда-то среди лѣта, женщины на нѣсколько дней и ночей уходили изъ деревни въ дзэкъ-кваллы п,—запираясь здѣсь вмѣстѣ со жрецами,—приносили жертвы и устраивали кутежи и даже оргіи. Къ сожалѣнію, намъ не могли указать точно ни времени, когда это дѣлалось, ни подробнаго порядка жертвоприношеній, а потому и мы не могли включить этого обряда въ число извѣстныхъ намъ курбоновъ.

Все, что намъ сдѣлалось извѣстно о древнихъ жертвоприношеніяхъ и моленіяхъ вотяковъ, имѣющихъ общественный характеръ, говоритъ намъ не только объ ихъ крайне

робкомъ сознаніи своей слабости при столкновеніяхъ съ силами природы, весьма нерѣдко въ одинъ мигъ разрушающими плоды труда за цѣлый годъ,—сознаніи, которое постоянно заставляло вотяковъ прибѣгать къ мольбамъ и жертвоприношеніямъ; но свидѣтельствуетъ и о надеждѣ (если даже не сказать: *увѣренности*) въ томъ, что эти силы руководятся божествомъ, а не дѣйствуютъ безсознательно, сами по себѣ.. *Инмаръ не оставитъ, такъ ничего дурнаго не случится*,—говоритъ старинная вотская пословица и желая постоянно быть въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ божествомъ, вотяки, принося одну жертву, тутъ-же обыкновенно даютъ обѣтъ принести въ слѣдующій періодъ земледѣльческихъ работъ или просто въ слѣдующее время года—другую жертву и т. д., постоянно такимъ образомъ какъ-бы заставляя божество ожидать отъ нихъ что-то пріятное. Самое обыкновенное воззваніе вотяковъ въ молитвѣ, это: «*Осте*» —*помилуй!*, «*козма*» —благослови!, «*возьма*» —посторожи! защити! а потомъ уже слѣдуютъ:— «*эпъ вождэ вай*» —*не гнѣвайся*; «*ачидъ кочъ карыську*» —*самъ стань заступникомъ*; «*ачидъ тод-но шорэрты-но*» — «*самъ научи и наставь*». Всѣ-же остальныя прошенія выражаются формами,—сначала: «*со курыськом*ъ» —этого мы просимъ; «*со мальпаськом*ъ» —этого мы ожидаемъ; и наконецъ:

«*медъ сетозъ!*» —да будетъ это намъ дано, «*медъ луозъ!*» —да случится. Встрѣчаются и еще нѣкоторыя формы, но онѣ рѣдки, а желающаго ознакомиться съ молитвами вотяковъ подробнѣе мы отсылаемъ къ слѣдующему (III-му) нашему эскизу.

ПОПРАВКИ.

Стран.	Строка сверху.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать.
3	29	свего	всего
9	22	Стеньгутскаго	Стеньгуртскаго
—	25	а когда	и когда
11	21	скоморохъ»	скоморохъ» :
15	17	шамань	шаманъ
22	24	Джегъ	Джэгъ
—	25	ржаннаго	ржаного
23	3	освѣщеніе	освященіе
—	10	Кылдысину	Квазю
31	14	много ранѣе	немного ранѣе
34	18	кылмэсъ макэ шедезъ, соэ шуса;	килмэсъ макэ шедизъ, соэ шуса:
38	18	пэраси	(«пэраси»)
39	20—21	называемая «тау-каронъ», благодарность, принесенія благодарности.	называемая: «тау-каронъ» (благодарность, принесеніе благодарности).
46	12	праздника,каждый	праздника и каждый
—	20	моленіеИнмару к Воршудамъ	моленіе Воршудамъ
—	25	метереологическимъ	метеорологическимъ
48	29	корко-нимъ	корка-нимъ

57	28	Инмару	Воршуду деревни
—	30	Воршуду	Воршуду семьи
58	25	Дзечъ	Джэгъ
59	10	въ землѣ	въ землю
60	28	деньги и	деньги, и
67	4	Седмымъ	7. Седмымъ
72	18	«кусо азьэ виро»	«кусо азэ виро»
74	20	суклеана	сукмана
75	1	нюнаесъ	нюняесъ
—	3	Тилед-но пинальесъ,	Тиляд-но, пинальесъ,
—	3—4	вичакъ	вичякъ
76	10—11	моленіе воршуду семьи	моленіе умершимъ родственникамъ или воршуду семьи
82	30	ечловѣка	человѣка
96	10	«Мушъ возмась»	«Мушъ возьмась»
105	4	лыткэ	лыктэ
116	14	похварать	похворать
—	15	баню	банѣ
120	7	устоновленное	установленное
—	14	кровъ	кровь
126	12	загадаютъ	загадываютъ

2007041428